
ЮЛИЯ ГЕРМАН
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
ИГРЫ МАЖОРОВ
РАЗВРАТИТЬ Замку
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Юлия Герман

Игры мажоров. Развратить заучку

https://litres.ru/74726904
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я тебя предупреждал, Ржавая. Держись от меня подальше.

— Тогда не создавай ситуаций, из-за которых я оказываюсь рядом. Ведь это ты мне не даешь прохода.

— Чего? — кажется, что она бредит. — Ты фантазируешь, что ли? Так что-то у тебя фантазии какие-то валовые. Или ты недоговариваешь, и по ночам капаешь слюной на мою фотку?

— Боже, Власов! Боюсь, что вид твоего обнаженного тела навсегда убьет мое либидо.

— Острая на язык, да? А папа знает, какая его дочка на самом деле хамка и врушка ?

— Не смей трогать моего отца.

— А ты поосторожнее с ручками. Я ведь и за причинение морального и физического вреда смогу тебя притянуть. То-то папа-ректор будет горд.

— Представляю. Ты способен на любую подлость.

Повеса, избалованный мажор, наглец и хам, которого я презирала, открылся для меня с новой стороны, когда мы

встретились в стенах закрытого учреждения. Я думала, что он встал на путь исправления. Но все оказалось только игрой, включавшей в себя задание развратить дочку ректора.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	67
Глава 11	72
Глава 12	80
Глава 13	85
Глава 14	91
Глава 15	95
Глава 16	101
Глава 17	106
Глава 18	111
Глава 19	118
Глава 20	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Юлия Герман
Игры мажоров. Развратить заучку

Пролог

— Остановите здесь, пожалуйста, — прошу таксиста, бросая взгляд на дом, стены которого мгновение назад были окрашены в красный, а теперь подсвечены оранжевым цветом, тут же сменяющимся на зеленый.

Глядя на подсветку, сопровождающуюся настолько громкой музыкой, что от ее басов даже машина подпрыгивает, первые несколько секунд я сомневаюсь в том, что мы приехали по верному адресу.

Но затем взгляд падает на кованые ворота с именным гербом Власовых, который я особенно внимательно изучала в прошлый раз. И тогда не остается сомнений, что я там, где нужно.

— Уверена? — интересуется водитель.

— А почему вы спрашиваете? — вряд ли таксисты задают подобные вопросы всем своим клиентам, когда довозят их до конечной точки.

— Да просто… ты напуганная какая-то, — пожимает плечами мужчина, надувая и мгновенно лопая шарик жевательной резинки. — Обычно сюда девочки приезжают уже навеселе, да пораскрепощеннее.

— А вы часто сюда возите девочек? — от этой мысли сосет под ложечкой.

— Бывает. Это мой район. Беру вызовы до этого адреса, — лениво отвечает он.

— Значит, вечеринки тут не редкость?

— А ты что, не знаешь, куда приехала? — оборачивается ко мне и смотрит, приподнимая бровь.

И похоже, что я совсем не так представляла праздник по случаю окончания первого этапа терапии Игоря.

— Ну, ты давай это… или выходи, или поехали дальше, но тогда тебе надо новый вызов оформить.

Крючок, брошенный незнакомым мужчиной по поводу часто проводимых в этом доме вечеринок и девушек, посещающих их, оставляет у меня внутри острое чувство тревоги.

Но, так как приглашение получено от парня, занимающего с недавних пор в моей жизни особое место, я решаю проигнорировать это ощущение, как и слова водителя.

— Спасибо, до свидания, — бросаю я перед выходом, потому как в приложении указан безналичный расчет, а значит, больше мне не требуется контактировать с этим человеком.

— Удачи, — летит мне вдогонку, потонув в потоке музы-

ки, оглушающей весь элитный поселок.

Подойдя к воротам, я замираю. Не двигаясь с места, заглядываю через решетку, не понимая, откуда все те люди, что снуют туда-сюда по идеальному газону, танцуют на крыльце и прыгают в бассейн.

Это какое-то недоразумение. Ведь Игорь не мог устроить вечеринку… Не после того, как продержался трезвым более трех месяцев. Поэтому все происходящее, как и слова таксиста, похоже на бред. И всему должно быть четкое объяснение.

Поэтому, набрав в легкие побольше воздуха, я толкаю калитку и захожу во двор дома, где была до этого всего лишь раз.

— О, Ржавая! И ты здесь! — выкрикивает высокий парень, подстриженный под ноль, с татуировками на лице. Я видела его в университете, но имени не знаю. Такие, как он, меня всегда пугали. — Давай, присоединяйся! — он делает шаг ко мне, но я отшатываюсь, проскальзывая между двумя девушками, вышедшими на крыльцо.

— Это че, Ржавчина? — слышу позади себя.

Я привыкла игнорировать подобные выпады в свою сторону. И мне все равно, кто и что говорит. Тем более не стану оправдываться за цвет волос, которым меня наградила природа. Особенно после того, как Игорь убедил меня в том, что сходит с ума по моим рыжим локонам.

Пробираюсь дальше. Гостиная тонет в полумраке, только

стробоскопы режут глаза. Красный, синий, зеленый.

Музыка оглушает. Люди набились в гостиную, как сельди в бочке, дергаясь и извиваясь под невыносимо громкие звуки. Кое-кто прямо на танцполе занимается непристойностями. Кажется, я заметила, как рука парня двигается под юбкой вон той смуглой брюнетки.

Фу!

Отхожу ближе к дивану, замечая троих.

Девушка ерзает верхом на брюнете, голова запрокинута назад, ее топ задран вверх, а блондин, сидящий рядом, поднимает бутылку спиртного прямо над ней и поливает ее грудь алкоголем, и они, одновременно с первым парнем, слизывают напиток с ее сосков.

Она стонет и смеется, когда тот, что с бутылкой, делает глоток прямо из горла и целует ее, передавая напиток. Она отрывается от него и целует второго. Я вижу их языки. Кровь приливает к лицу, и мне хочется провалиться сквозь землю от этого зрелища.

Но куда бы я ни переместила взгляд, везде разврат.

Запах алкоголя, пота, парфюма и чего-то еще заполняет нос, а желудок сжимается.

Меня мутит.

Я сворачиваю в коридор, толкаю первую попавшуюся дверь, оказавшись в туалете.

Запираюсь изнутри, прижимаясь спиной к двери, и шумно выдыхаю, чувствуя себя так, будто от самых ворот даже

не дышала. Но стоит мне перевести взгляд к раковине, как к горлу подступает тошнота. Я резко поворачиваюсь к ней спиной, потому что кому-то из гостей явно было плохо.

В воздухе стоит невыносимая вонь. Мне кажется, что я не на вечеринке, а в самом настоящем аду.

Нужно уезжать отсюда, и как можно быстрее. Но для начала я найду Игоря и скажу, что, независимо от того, что к нему чувствую, это все не для меня. Да и ему нельзя находиться среди подобных соблазнов. Не для этого он столько работал над сменой образа жизни, чтобы снова скатиться в алкогольную яму.

Достаю телефон и нахожу его имя в контактах.

Вызов идет, но мне никто не отвечает, а через три гудка и вовсе сбрасывают мой звонок.

Пробую дозвониться второй раз, но результат тот же. Тогда мне не остается ничего иного, как написать сообщение.

VV: *"Игорь, я здесь. Где ты?"*

Жду его ответа, но ничего не происходит. Тогда я пытаюсь еще раз дозвониться до него. Но он в очередной раз сбрасывает.

Я чувствую, как меня накрывает паникой. Оборачиваюсь вокруг себя, зацепляя взглядом свое отражение.

Раскрасневшаяся, с испуганными глазами, которые теперь не серые, а ставшие черными, из-за расширенных зрачков. Я похожа на безумную.

В руке вибрирует смартфон, и я вижу всплывающее уве-

домление.

Гар: *“Поднимайся на второй этаж. Первая дверь налево”.*

Только после его ответа кажется, будто тугой прут, сжимавший грудную клетку, наконец-то отпускает и я могу выдохнуть.

Прячу телефон в карман, как раз в тот момент, когда кто-то долбит в дверь.

Вдохнув поглубже, я отпираю замок и едва успеваю выскочить, прежде чем туда заваливается парень с розовыми волосами и пирсингом на лице.

— Наконец-то! — бормочет он и, не захлопывая дверь, расстегивает ширинку.

Стараясь не смотреть по сторонам, я двигаюсь к лестнице, никак не ожидая увидеть петтинг у стены на лестничном пролете. Парень целует девушку в шею, в то время как их руки находятся друг у друга в штанах.

— Чего уставилась? — рявкает девица на меня, когда я пробегаю наверх.

А стоит мне ускориться, как позади раздается жуткий смех.

Боже! Куда я попала?

Взбежав на второй этаж, я наконец-то замечаю нужную комнату.

Но когда я останавливаюсь напротив нее, у меня живот сводит от волнения.

Я толкаю дверь, перешагивая порог, и… застываю на ме-

сте.

Спальню освещает лишь тусклый свет от настенного бра. Стол завален пустыми бутылками. На тумбочке заряжается телефон, а рядом два пустых бокала. На ковре валяются использованные презервативы, и в воздухе стоит запах перегара и секса.

Игорь сидит на краю кровати с голым торсом, блестящим от пота, откинувшись на локти. Веки опущены, а на губах улыбка наслаждения. Его джинсы вместе с боксерами спущены вниз. А перед ним на полу стоит на коленях совершенно обнаженная девушка. Ее голова двигается вверх-вниз над его пахом. Она не оборачивается, потому что не слышит, как я вошла. Или ей просто плевать.

Ее спина блестит в тусклом свете. Длинные рыжие волосы разметались по лопаткам, и со спины можно даже подумать, будто это я.

Я стою, словно парализованная увиденным.

Игорь поднимает на меня тяжелый, пьяный взгляд. Улыбается, не останавливая девушку.

— О, — выдыхает он заплетающимся языком. — Заучка моя пришла. А я уже думал, что продинамишь.

Девушку же, кажется, совсем не волнует, что происходит вокруг. Она даже не сбавляет темпа, скорее, наоборот…

— А ты сегодня секси… — он облизывает пересохшие губы, глядя на мое платье, что я так долго выбирала ради него. — Присоединишься? Всегда представлял, как это, если

бы тебя было две.

Я смотрю на его руку, что он запускает в волосы девушки. Он давит ей на затылок, заставляя брать глубже.

Та сглатывает, издает влажный звук.

Меня тошнит. Это какой-то кошмар. Мне же это все снится?

— Игорь, ты с ума сошел? — спрашиваю, чувствуя, как в горле встает огромный ком.

Он щурится, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Да ладно тебе, Спичка. Не душни. Тебе понравится.

— Ты… ты же обещал… — голос сипнет.

— Обещал, что нам будет хорошо. И разве было плохо? М-м-м, — стонет, когда девица заглатывает глубже. — Будет еще лучше. Гарантирую.

— Я… я не стану тебя делить, — понимаю, насколько это жалко звучит.

— Спич, ну ты не гони. Я не обещал спать только с тобой. Поэтому скажи спасибо, что вообще рассмотрел тебя из-за спора.

— Какого спора? — кажется, что все мои конечности леденеют.

— Давай потом, — он закрывает глаза. — Смотри и учись, как надо, — кивает на движущуюся голову. Девушка отрывается на секунду, оборачивается ко мне, облизывая губы.

— Его хватит на нас двоих, — усмехается мне прямо в лицо. И снова берет в рот.

Игорь запрокидывает голову, прикрывая глаза.
— Или жди своей очереди, Спичка.

Глава 1

Василиса

— Ай! — чувствую толчок в плечо, и журнал вылетает из рук, падая на пол, прямо под расписание. — Осторожнее можно? — бросаю тому, кто так бесцеремонно толкнул меня. Только, кто это, в такой толпе не разглядеть.

Студенты потоком двигаются по коридору. Одни останавливаются, чтобы посмотреть изменения в парах, другие — пообщаться, а третьи как-то умудряются в этой всей суете просто пройти до нужной аудитории.

Я же наклоняюсь за журналом и внезапно получаю обжигающий шлепок по ягодице.

Кровь мгновенно приливает к лицу, и я вскакиваю, как ошпаренная. Резко оборачиваюсь на громкий ржач, что, судя по всему, исходит от источника этого наглого домогательства.

Вижу перед собой высоченного парня, и чем выше поднимаю взгляд, тем сильнее закипаю.

— Бля, так это Ржавчина! — ржет парочка за его спиной.

— И правда, Ржавчина, — усмехается самый противный из всех студентов нашего вуза. Мажор, хам, подонок и бабник — Игорь Власов. — А я и не замечал, что у тебя та-

кая сочная жопа! — пошло прикусывает нижнюю губу, окидывая меня мерзким сальным взглядом. Мне хочется как можно скорее сбежать отсюда, спрятавшись от его нахальных глаз и этих мерзких словечек.

Мои одногруппницы, и не только, визжали бы от восторга, если бы он отвесил им подобный "комплимент". Хотя, мне кажется, Власов перещупал всех девочек в универе и спал как минимум с половиной из них.

Все говорят, что он красавчик.

Наверное, если оценивать современные стандарты красоты, то так и есть. Глаза у него и правда красивые. Немного раскосые, глубокого карего цвета, с длинными ресницами, что на фоне смуглой кожи придает его внешности восточного колорита. Прямой нос, высокие скулы, чувственные губы и квадратная челюсть, которая в сочетании с темным ежиком волос, накачанными ручищами и огромными грудными мышцами ассоциируется у меня только с тупым качком. Которым он на самом деле и является.

Мне же нравится совершенно другой типаж мужчин.

Я люблю более стройных, с мягкими чертами лица… корейских парней. Да, я мечтаю поехать в Корею и встретить там любовь всей своей жизни.

Поэтому подобное грубое обращение мне омерзительно и вводит меня в ступор.

— Да ладно тебе, Гар, — бьет его по плечу Михаил Гордеев, который автоматически теряет очки в моих глазах за

поощрение подобного. — Она еще Князю пожалуется, и не видать тебе тогда и вовсе диплома.

— Зачем девочке с такой задницей жаловаться папочке? — хмыкает Игорь, снова опуская взгляд к моим бедрам. — Это ж, считай, проверка качества! Но знаешь, я не до конца понял, это мышцы или жир? — снова делает шаг в мою сторону, протягивая руки, но я отшатываюсь от него прямо к стене и бьюсь головой о стенд с расписанием, зажмуриваясь от боли.

Они снова начинают хохотать.

— Че ты шуганая такая?

— Да ее никто не трогал до тебя, — бросает кто-то четвертый, кого я не вижу.

— Так тем более. Спасибо скажи, что вообще мужик до тебя дотронулся, — гогочет он. А мне противно от этого разговора, от него и того, что он делает. — А то так и останешься нещупаной.

— Отстань от нее, Гар, — пытается оттащить его от меня Гордеев.

— Да подожди ты! — отмахивается он от дружка. — Я от нее хочу хоть слово услышать. Или что, мы недостойны того, чтобы лучшие студенты университета общались с такими, как мы?

— Гар, правда, хорош, — теперь вступает Дэн Руднев, а меня уже начинает колотить от паники.

Я хочу оказаться подальше от этого орангутанга и его сре-

ды обитания.

— Ты после вчерашнего еще не проспался.

— Эй, Ржавая! — свистит Власов, будто я умственно отсталая. — Ты че, язык проглотила?

— Дай пройти, — наконец-то выдавливаю из себя.

— Дам-то я дам, — и снова эта мерзкая усмешка появляется на его губах. — Ты только попроси нормально.

Краска стыда заливает лицо, и я чувствую себя загнанным в ловушку зверем.

Он наклоняется ближе, и я чувствую запах дорогого парфюма, мяты и… кажется… перегара.

— Слушай, Ржавая, — его голос становится тихим, почти интимным, отчего мне становится еще противнее. — Ты чего такая напряженная? Ты вообще умеешь расслабляться? Или только конспекты строчить?

— Не твое дело, — отвечаю я, стараясь не смотреть в его глаза.

— Зря так думаешь, что не мое, — усмехается, выпрямляясь. — Ты своей напряженной рожей портишь весь вид. Выглядишь так, будто палку проглотила.

— Гарик, привет! — проходят мимо девочки с младшего курса.

Власов оборачивается.

— Привет, привет! — провожает их взглядом, и я надеюсь, что он сейчас пойдет следом за ними, но он снова возвращает внимание ко мне. — Вот, учись, как надо!

— Тебе надо — ты и учись! Мне это неинтересно!

— А что тебе интересно? — все еще не позволяет мне отлипнуть от стены и улизнуть. — Выслужиться перед папочкой? Висеть на доске почета? Да ты же четыре года тут глаза мозолишь, как гребаный памятник! Ты хоть подрочи дома под одеялом, а то от напряжения лопнешь скоро!

У меня выбивает воздух из легких от его наглости, и я хватаю ртом воздух, потому что никто и никогда не смел со мной так разговаривать.

— Гар, пойдем! Перебор, — все-таки оттаскивают от меня его дружки.

— Подумай над этим, Ржавая! — бросает через плечо Власов, подмигивая.

А я срываюсь с места, но не успеваю далеко отбежать от деканата, как передо мной вырастает фигура гораздо значимее, чем Игорь Власов.

— Василиса! — холодно говорит ректор.

— Добрый день! — поднимаю глаза вверх, чувствуя, как лицо по-прежнему полыхает от непристойностей, услышанных от Власова.

Ректор поджимает губы, глядя на меня, явно оставаясь недовольным моим видом.

— Следуйте, пожалуйста, за мной! — бросает он и отворачивается, прекрасно зная, что я сделаю, как сказано.

Потому что, помимо того, что Григорий Павлович Вяземский — ректор нашего университета, он еще и мой отец.

Глава 2

— Василиса, я жду объяснений! — требует отец, как только я переступаю порог его кабинета и закрываю дверь.

— По поводу? — теряюсь, не понимая, что конкретно от меня требуется.

— Ты что, решила уподобиться всем этим безмозглым?.. — он замолкает, чтобы не сказать лишнего, ибо не положено ректору престижного вуза обзывать студентов неприличными словами. — Всем этим легкомысленным девицам, которые только и думают, как юбку задрать перед этими малолетними царьками! И ты туда же?

— Григорий Павлович… — начинаю я, краснея от несправедливых обвинений. — Я просто переписывала расписание.

— Видел я! — его лицо покрывается красными пятнами. — Как ты просто там стояла и чуть ли не лужицей растеклась перед Власовым. Да ты вообще в курсе, сколько у него таких, как ты? А сколько из-за него девчонок вылетели из вуза, потому что преследовали его? — ждет моей реакции, а я не понимаю, о чем он. — Эти дуры на что только не идут, чтобы захомутать его. Столько фальшиво беременных всплывает. И все жалуются на него в ректорат, идиотки. Не понимаю, что так не ему хуже делают, а себе. Чтобы не создавать дис-

комфорт любимому сыну, главный спонсор нашего университета решает вопрос просто, убирая помеху. Но предварительно затыкает рты кругленькими суммами.

— Папа! — стараюсь вступиться за себя, но отец не слышит. Ведь мне это все неинтересно. Но он уже так разошелся, что вообще ничего не слышит. И если что-то внушил себе в голову, то бесполезно пытаться хоть как-то донести до него нужную информацию.

— Не вздумай позорить меня, связавшись с этим разгильдяем! Ты хоть знаешь, как он сдает сессию?

— Догадываюсь… — надо просто выслушать до конца эту тираду и потом идти на пару.

— За него отец все решает! А нам ничего не остается, кроме как молча закрывать глаза на все то безобразие, что он творит. Он же на пары… приходит не в адеквате! А я ничего не могу с этим сделать. Только дождаться его выпуска! Но если моя дочь спутается с таким, это раз и навсегда уничтожит мою репутацию!

— Я и не собиралась… — кажется, что говорю в пустоту, потому что меня никто не слышит.

— Ты меня поняла, Василиса? — сверлит своим этим самым въедливым и противным взглядом, которым пытается дырку у меня в черепе проделать, чтобы вложить туда нужные ему мысли. А мне лишь остается соглашаться со всем, лишь бы не усугублять и без того незавидное положение.

Жду не дождусь момента, когда выпущусь и наконец-то

съеду от родителей. Сил нет терпеть его постоянный контроль и давление.

— Да, Григорий Павлович.

Еще несколько мгновений он молча смотрит на меня, словно пытаясь убедиться, что доходчиво донес свою точку зрения, а затем наконец-то разрывает зрительный контакт, и мне будто сразу становится легче дышать.

— Надеюсь, нам больше не придется возвращаться к этому вопросу.

— Ты можешь быть спокоен.

Ректор, перекладывая какие-то бумажки на столе, снова вскидывает взгляд к моему лицу, а затем, недовольно поджав губы, кивает.

— И чтобы я тебя больше рядом с ним не видел.

— Конечно! — мне и самой-то не хочется попадаться этим уродам на глаза. Так что об этом точно можно не беспокоиться.

— До скольких ты сегодня учишься? — успокаиваясь, спрашивает он.

— Еще две пары, а потом у меня корейский, — отвечаю механически.

— До скольких? — повторяет вопрос с нажимом.

— До девяти.

— Я пришлю за тобой водителя.

— Не стоит, — представляю Сергея Олеговича, когда он увидит меня в костюме. Он же мигом донесет отцу, чем я

занимаюсь. А тот снова будет кричать про позор и пятно на его репутации.

Нет, нет и нет! Родители не должны знать о моих увлечениях. Ну или хотя бы не всю правду.

— Меня Лика подвезет, — спешу его успокоить, стараясь оставить для себя хоть кусочек собственного пространства.

— Сафронова? — смотрит с подозрением, а я стараюсь не покраснеть, чтобы не позволить поймать себя на лжи. — Хорошо. Позвони, как только будешь выезжать домой.

— Конечно, — киваю. — Тогда до вечера? — жду заветной фразы о том, что я свободна.

— Увидимся дома! Свободна! — наконец-то отпускает меня отец, и я выскакиваю из его кабинета, машинально попрощавшись с секретарем и убегая из ректората к лестнице.

Сердце колотится где-то в горле. Каждый раз после таких разговоров чувствую себя выжатой как лимон. Отец — очень тяжелый человек. Он давит своим авторитетом и ответственностью, которую я несу, являясь его дочкой.

Поэтому я стараюсь занимать свое время максимально, чтобы находиться с ним рядом как можно меньше.

Вот и сегодня, сказала, что у меня урок корейского, что, конечно, не сильно далеко от правды: у нас планируется сбор фанатов корейской культуры. У нас масштабный флешмоб. Мы будем снимать танец из нового клипа наших любимых кей-поп исполнителей. У меня и реквизит для съемки с собой.

— Вася! Васен! — доносится откуда-то со стороны.

Оборачиваюсь и вижу Лику и Антона, бегущих ко мне.

— Вот ты где! — запыхавшись говорит подруга. — А мы тебя кругом ищем.

— Что-то случилось? — смотрю на них недоумевая. — На пару пора…

— Нам пришли другие костюмы… — скидывает на меня бомбу Антон.

— В смысле “другие”? — в ужасе смотрю на подругу. — Мы же их месяц ждали.

— Продавец отправил другие.

— А как же флешмоб?

— Вот и надо решить, что делать дальше. И как мы сможем это исправить, — наконец-то говорит Антон. — И, в случае чего, бежать искать по городу что-то похожее.

— Ты предлагаешь прогулять пары? — представляю реакцию отца, отчего у меня мороз по коже. Потому что он тогда с меня шкуру спустит.

— У нас нет другого выхода.

— Я не могу, — мотаю головой. — Мне нельзя…

— Тогда мы подведем остальных! Нашу часть некому будет танцевать!

— Так, может… вы без меня поищете? — смотрю на них с надеждой.

— Правда, Лик. Зачем нам всем вместе ездить? А Князь сама представлешь как вызверится на Ваську.

— Не называй его так, — морщусь, услышав прозвище ректора.

— Прости.

— Но ты хотя бы примерь… то, что у нас есть. Может, получится что-то с этим сделать до вечера.

Прямо над головой раздается звонок, оповещающий о начале пары. Но я не могу думать об учебе. Мысленно я пытаюсь найти выход из ситуации. Я иду с друзьями в туалет, чтобы примерить костюм. И только убедившись, что он и правда совсем не похож на то, что нам нужно, направляюсь в аудиторию, в то время как они едут искать способы решения нашей проблемы. Я же мысленно прощаюсь с идеей флешмоба и готовлюсь оказаться в черных списках нашего сообщества.

По дороге до аудитории я пишу организатору, описывая сложившуюся ситуацию, и спрашиваю, как быть. Не успеваю дойти до кабинета, как вижу отца, идущего по коридору. Он меня не видит, обернувшись и с кем-то разговаривая. Сердце уходит в пятки, потому что нельзя, чтобы он увидел меня, входящей в аудиторию спустя десять минут после звонка. Поддаваясь какому-то необъяснимому порыву, я разворачиваюсь и трусливо бегу вниз с этажа.

Добегаю до первого, но прямо напротив проходной стоит секретарь ректора, и я не нахожу ничего умнее, чем спуститься еще ниже, в темноту под лестницу. И едва не теряю сознание, когда мне на рот опускается широкая ладонь.

Глава 3

Сердце камнем летит вниз, и меня парализует от страха.

Здесь не должно никого быть! Ни души! А это… Боже! Неужели тут спрятался маньяк?

— Попалась! — раздается мне прямо в ухо горячий шепот. — Долго я тебя ждал, — и кто-то обхватывает губами мочку моего уха.

Горло сдавливает спазмом, и я немею.

У меня кровь отливает от лица, и кишечник стягивается в узел от страха.

Все происходит как в тех самых фильмах ужасов, когда героиня идет в темную комнату и оказывается в лапах у извращенца-насильника.

Чужой язык скользит мне в ухо, и вторая рука незнакомца забирается мне под худи.

Я в панике. Ледяная волна страха накрывает меня с головой. Но когда пальцы незнакомца накрывают мою грудь, во мне будто переключается невидимый тумблер, который заставляет меня дернуться.

Только теперь до меня доходит, что если я ничего не начну предпринимать, то он возьмет меня здесь силой. А я совсем не таким представляла мой первый раз. Не в темноте под университетской лестницей, с мерзким незнакомым из-

вращенцем!

Хватаюсь за его ладонь, впервые пожалев, что у меня отсутствует длинный маникюр. Тогда бы я могла вонзить ногти в его руку и сбежать. Укусить тоже не получается. И остается мне только дергаться.

— Тихо ты! — шипит он. — Я, конечно, люблю игры, но не сейчас, детка. Мне и так херово после вчерашнего.

Он вдавливает меня в свое тело, и я буквально ощущаю, как мои глаза лезут из орбит, потому что мне в спину упирается нечто очень твердое.

Очевидно, это именно то, о чем я думаю и чем думают маньяки, затаскивая девушек в укромные уголки.

Волосы на голове встают дыбом, потому что я оказываюсь в одном вжике молнии от того, чтобы распрощаться с невинностью.

— Нет! — откуда-то нахожу в себе необходимые силы, чтобы дернуться и отскочить на шаг от извращенца.

Говорил мне папа, носи с собой электрошокер, но я же считала, что мне просто не может ничего угрожать. И даже предположить не могла, что стены университета могут представлять опасность.

— Стоять! — рявкает он вполголоса и, поймав меня за капюшон, тянет обратно. — Я же сказал! Сегодня я не настроен на игры! Ты сама обещала, что сделаешь все, что я хочу! А я хочу, чтобы ты молча встала на колени и взяла у меня в рот.

— Я такого не говорила! — подобная клевета приводит меня в настоящую ярость. — Не было такого! Отпусти меня грязный извращенец!

— Это я-то извращенец! — шипит он. — Ты сама в меня трусами своими кидалась. Кстати… — он начинает елозить по моим бедрам ладонями. — Блядь! Где твоя юбка? — говорит шокированно.

— Нет у меня никакой юбки! И трусы мои точно на месте! — толкаю локтем его в живот. Но самой становится больно от того, насколько крепкие мышцы у этого озабота.

— Какого хрена, Олива?! Что за гребаные игры?

— Я не Олива! — снова пытаюсь убежать, но этот придурок дергает меня на себя за пояс джинсов, разворачивая лицом к себе.

— А ну, стоять! — теперь слышится рык.

Он шуршит чем-то.

Я уже в красках представляю, что он сейчас достанет нож или, того хуже, пачку презервативов, и едва не теряю сознание от подобной перспективы.

Убедившись в том, что он гораздо сильнее меня, и трезво оценивая свои шансы на побег, понимаю, что мне остается только кричать и звать на помощь.

Но стоит представить, как на крики сбежится охрана и остальные, как перед глазами встает лицо ректора. Я отчетливо представляю, как он будет отчитывать меня за побег с пары, обвиняя в случившемся только мое легкомыслие. Ведь

он никогда в жизни не допустит, чтобы о его университете говорили плохо. Особенно если в этом задействована еще и его дочь.

Отец никогда в жизни не переживет подобный позор.

— Не дергайся, сказал! — тянет меня на себя незнакомец.

И чтобы как-то дистанцироваться от маньяка, я упираюсь ладонями в его грудь, на месте которой будто металл, такой твердой она ощущается.

— Я буду кричать! — надеюсь, что это его спугнет и отрезвит. — Сюда мгновенно прибежит охрана и вызовет наряд полиции. Тогда ты отправишься за решетку, к таким же извращенцам, как ты сам.

— Ты дура, что ли? — в этот миг меня ослепляет свет от фонарика его телефона.

Я зажмуриваюсь и отворачиваюсь в сторону.

— Ржавая? — в голосе отчетливо слышится недоумение, и мне мерещатся знакомые нотки.

Теперь я пытаюсь привыкнуть к свету и вглядываюсь в лицо своего маньяка.

— О нет! — выдыхаю.

Потому что только двадцать минут назад я пообещала отцу, что никогда и ни за что не буду общаться с этим плебеем. Но теперь ситуация стала еще хуже, потому что если нас застанут в таком положении, то никогда в жизни я не отмоюсь от слухов, которые мгновенно припишут ему еще одну победу, а я окажусь в списке тех дур, что пытаются затащить

его в отношения, используя при этом старый проверенный способ — сняв трусы.

— Я конечно подозревал, что ты ко мне неравнодушна, но вот так сразу, — говорит этот ненормальный, блуждая по моему лицу каким-то неадекватным взглядом.

— Совсем не в себе? Отпусти меня, придурок! — бью его по плечу.

— Я-то в себе, — понижает он голос и обнимает меня за талию второй рукой. — А вот ты нет. Сама приходишь ко мне, а потом кричишь отпустить.

— Я не знала, что ты тут, ясно? Мне нужно было просто спрятаться.

— Конечно, — усмехается он. — Я так и понял, что ты хочешь меня, еще там, у расписания. Так что мне можешь не заливать. Просто скажи, что давно течешь по мне и мечтаешь, чтобы я тебя хорошенько…

Я больше не желаю слушать этот бред и со всей силы бью коленом ему между ног.

— А-а-а! Бешеная сука! — шипит он.

Власов ослабляет хватку, и я подскакиваю к лестнице.

— Никогда в жизни! — кричи ему и сталкиваюсь лицом к лицу со знойной брюнеткой с большой грудью.

Она смотрит на меня во все глаза, будто я привидение.

Лицо заливает краска, потому что я понимаю, как это все выглядит со стороны.

— А ну, вернись! — рявкает Игорь, но я взлетаю вверх

мимо девушки. Которую, видимо, и ждал этот озабоченный.

— Гарик? Что происходит? — слышу растерянный женский голос, когда в мгновение ока оказываюсь на первом этаже и стрелой мчусь к гардеробу.

Сгорая от стыда и не глядя по сторонам, я забираю куртку, думая, что завтра о моем позоре будет говорить весь универ.

И мне остается молиться всем известным богам, чтобы это не дошло до ректора…

Глава 4

Гарик

— Ну, Гарик… Ну… давай поедем к тебе. Или, хочешь, ко мне? Я могу соседку отправить к подруге на ночь, — бежит следом Олива, продолжая ныть, превращая мои мозги в кашу.

Сегодня любые звуки вызывают у меня физические муки, потому что я с трудом могу сказать, во сколько закончилась прошлая ночь. Мне потребовалось настоящее чудо, чтобы встать сегодня и появиться в университете. И имя этому чуду — Игорь Власов — старший.

Только у него получается доносить до меня информацию таким способом, что у меня не остается не просто возможности спорить, но даже желания.

С недавних пор у меня окончательно пропала хоть какая-то мотивация появляться в этой богадельне, как и вообще маячить где-либо. Разве что только для того, чтобы забыться и улететь.

Вообще, выныривать в реальность с каждым днем все труднее и болезненнее. Кажется, что у меня не осталось ровным счетом ни-ху-я!

Пару лет назад в моем мире все казалось четким и ясным,

а потом, словно по щелчку пальцев, все посыпалось.

У меня было четыре братишки, с которыми мы неразлучны еще с лицея. И казалось, что мы будем вместе всегда. Но жизнь — та еще дрянь. Первым от нас откололся Пит… Дерьмовая вышла история с ним и его подружкой — Молью. Но он сам допустил это. Зачем надо было рушить привычный порядок вещей? Но он решил, что жить как раньше он больше не хочет, а по новой не получается. Вот и мечется из стороны в сторону, не зная, куда приткнуться.

Эта же история лишила меня Тима. Мало того что его общение с Питом ограничено судом, так он и с нами больше не горит желанием поддерживать связь. И это, сука, меня разрывает на части.

Ситуация с Питом стала той самой картой, без которой рассыпался весь карточный домик. А наша дружба оказалась именно им. Как бы Мик и Дэн ни пытались сделать вид, будто они все еще мои братишки, но кажется, перед Новым годом был забит последний гвоздь в крышку гроба нашего близкого общения. Так вышло, что я, сам того не зная, пизданул лишнего. И если бы Гордей не разлулил все со своей девушкой, то и он бы записал меня в черный список.

— Не, кисунь, сегодня не выйдет. Вечером меня ждут… — говорить о том, что я назначил встречу с двумя сочными оторвами, гарантирующими мне ночь без мыслей и сожалений, не стану. Сейчас я вообще не в состоянии на какой-то движ. Настроение вообще мимо...

Всему виной стала одна ржавая заучка, которая испоганила мой последний шанс сделать этот день чуточку сноснее.

Вряд ли кто-то, получив коленом между ног, все еще будет в настроении для быстрого перепиха под лестницей.

Да и, признаться, к этому приключению с Оливкой меня спровоцировал один ублюдок с третьего курса, возомнивший себя главным альфа-самцом этого вуза после пары побед в октагоне. Этот утырок с недавних пор стал для меня слишком борзым и назойливым. А мне не нравится, когда девочек пытаются брать без их согласия.

И если бы не наша с ним стычка, то я не стал бы переходить дорогу этому выскочке, так как Олива с первого курса нарезает круги рядом со мной голодной пираньей.

Но она девочка с претензией на отношения, и есть вероятность, что после того, как я насажу ее на болт, она мне весь мозг вынесет. А это совершенно не мой формат. От нее батя вряд ли сможет откупиться, потому что у девочки папа в госаппарате.

И, по сути, выходит, что Ржавая отвела от меня беду?

— Ну ты же обещал, — продолжает ныть Олива, и я морщусь, не понимая, как можно быть такой имбовой соской, но при этом настолько назящей.

— Малыш, ты что-то путаешь. Ты сняла передо мной трусы и сказала ждать тебя под лестницей. Я, конечно, не ханжа, но мне как-то не улыбается это делать на глазах у ректора, — перед мысленным взором до сих пор стоят раскрытые от

ужаса глаза ректорской поганки.

По-любому уже настучала папочке о том, какой Власов грязный извращенец и как занимается непристойностями прямо в стенах ее альма-матер!

Хотя сама сначала не против была, я в этом уверен, так как возбужденные сосочки я точно ни с чем не перепутаю. Но не повезло Ржавой, что у меня не стоит на таких душнил, как она.

— И я не отказываюсь от своих слов. Просто… — Олива цепляется за мой локоть, а мне нестерпимо хочется выдернуть его из ее липких, словно присоски, пальцев. — Ты не представляешь, как я хочу попробовать тебя… — понижает она голос.

И вот тут я совершаю грубую ошибку. Смотрю на ее ротик, которым, я уверен, она отлично может отполировать мой стояк. Олива облизывает губы, и у меня в джинсах становится тесно.

— Ладно, — выдыхаю. Смотрю на смарт-часы, прикидывая, сколько у меня свободного времени, и оглядываюсь по сторонам. — Поехали.

Олива радостно кивает, хватая меня за руку.

Мы выходим из университета, и я тащу ее к своей машине. Моя красотка цвета ртути стоит на парковке, сверкая на зимнем солнце. Вот она — моя любовь. Единственная и неповторимая.

— Заднее сиденье? — щебечет Олива, когда я открываю

дверь.

— Садись давай, — киваю.

Она забирается внутрь, а я обхожу машину и сажусь за руль.

— Мы не… — она разочарованно смотрит на меня.

— Называй адрес. Пока едем до тебя, расскажешь, чем ты меня порадуешь.

Забиваю ее адрес в навигатор, с облегчением увидев, что ехать нам не больше пятнадцати минут. Просто хочу избавиться от нее побыстрее и облегчить свое состояние.

— О, Гарик, — поворачивается она ко мне. — У меня дома целый арсенал игрушек, — шепчет томно, но я ни черта не слышу из-за звона, внезапно поднявшегося в ушах. — Расскажи о главной своей эротической фантазии.

— Прости, малыш, но все мои фантазии уже давно исчерпаны и воплощены в реальность.

— А что, если мы поедем за город и я порадую тебя ротиком на скорости двести километров в час?

На этом моменте стрелка спидометра у меня в трусах резко ползет вверх, демонстрируя заинтересованность.

— Не боишься разбиться на такой скорости? — усмехаюсь, открывая бардачок в подлокотнике и доставая пачку сигарет.

Засовываю одну в рот и, как только останавливаемся на светофоре, приоткрываю окно и прикуриваю.

Оливия смотрит на тлеющий огонек сигареты с каким-то

недоумением.

— Что-то не так?

— Фу, я вся провоняюсь. У тебя нет вейпа? Зачем ты дымишь этой гадостью? Разве не знаешь, что это вредно?

— Меня химическое говно не штырит. Я как-то по классике, — хмыкаю, выпуская облако дыма в приоткрытую щелку.

Брюнетка поджимает губы.

— Тебя что-то не устраивает — могу высадить прямо здесь.

— Все в порядке… просто, — сглатывает. — У меня астма.

— Что ж ты сразу не сказала, — снова затягиваюсь и выдыхаю дым в окно.

Она ждет, что я выброшу папиросу, но я лишь сворачиваю к обочине и паркуюсь возле тротуара.

— Что ты делаешь?

— Высаживаю тебя.

— То есть, вместо того чтобы избавиться от источника проблемы, ты высаживаешь меня?

— Да, малыш. Я делаю именно так, как ты сказала. Избавляюсь от источника проблем. Прости, но эта детка, — машу перед ней сигареткой, — с большим секретом. И она гарантированно поднимет мне настроение.

— То есть… — наконец-то доходит до нее. — Это не просто?..

В этот момент вспыхивает дисплей моего смартфона и я вижу имя абонента, разговаривать с которым я буду без посторонних.

— Прости, Власов-старший на проводе. Я тебе напишу, — выталкиваю ее с пассажирского сиденья и захлопываю дверь.

А затем… отключаю смартфон и еду туда, где мне точно никто не будет делать мозг. Даже отец.

Глава 5

Василиса

— Стоп! Снято! Всем спасибо! Все большие молодцы! Будет имбовое видео!

— У-у-у! — свистят и аплодируют участники флешмоба.

А я только теперь могу выдохнуть, потому что до самого последнего кадра находилась в напряжении.

Ведь наши костюмы все-таки отличаются от заявленных в регламенте мероприятия. Единственное, что успокаивает, — это лишь то, что сам организатор помог нам собрать образ из того, что было, сделав его максимально похожим на остальных.

Но вместо красных брюк и юбок металлик с такими же куртками мы были просто в красных костюмах с пайетками.

Остается надеяться, что в общей массе мы не будем бросаться в глаза.

— Ну вот, а вы жестко паниковали, — подходит к нам с Ликой Антон, обнимая за плечи.

— Давно я так не стрессовала, — смеется Лика.

А у меня как-то все эти волнения померкли на фоне того, что я пережила под университетской лестницей.

До сих пор чувствую на себе дыхание и руки Власова, и

меня потряхивает от одних воспоминаний. Поэтому, когда друзья решали вопрос с костюмами и с тем, можем ли мы по-прежнему быть частью этого события, я была рядом с ними физически, мысленно находясь где-то далеко.

И вот теперь все, чего я хочу, — это вернуться домой и запереться в комнате.

— Все же хорошо ж теперь, да, Вась? — не сразу понимаю, что Антон обращается ко мне.

— Да, конечно, — отвечаю на автомате.

Морально я выдохлась до такой степени, что нет сил на какие-либо эмоции.

— Народ! Не забываем, что все передвигаемся в "Чуррус"! Сегодня там для нас закрытая вечеринка!

— Ю-ху-у-у! — со всех сторон раздаются радостные возгласы.

— Кайф! Наконец-то что-то интересное происходит! — радуется Лика. — А то я из-за этой темы с костюмами чуть не поседела. Ты как, Вась? Будешь переодеваться? Я думаю прям так ехать. Может, еще рилсики запишем.

— Вообще-то, я не могу.

Никакие походы в клуб не входили в мои планы.

— В смысле? — хмурится подруга.

— Я не видела, что планируется клуб после съемки. Когда об этом стало известно?

— Ну… — прокашливается Антон. — С самого начала… Мы же обговаривали это.

— Когда? — лицо вспыхивает, потому что я очень внимательно изучила регламент мероприятия.

— Да сразу же. Как только заказали костюмы, — раздраженно отвечает Лика.

— Я такого не помню…

— Потому что болтать меньше надо! А ты вся в своих проектах, лекциях, конкурсах!

— Ну, прости! — дергаюсь я, не ожидая от подруги такой агрессии. — Я просто пытаюсь получить профессию. И не могу себе позволить провалить выпускной год!

— Хочешь сказать, меня учеба не волнует? — Сафронова меняется в лице. Карие глаза вспыхивают, скулы заостряются, а губы сжимаются в тонкую линию.

— Волнует, но очевидно же, что не так, как меня! — меня раздражает, что она сравнивает наши ситуации. Потому что на нее дома никто не давит и она сама может решать, как ей распоряжаться свободным временем. В то время как для меня учеба — это единственный способ дистанцироваться от отца и возможность вырваться из-под его удушающей опеки.

— Ах, ну конечно! Только нашу Василису может волновать дальнейшее будущее. А остальные так, лишь штаны просиживают и не задумываются о завтрашнем дне! — слишком зло заявляет Лика.

— Э, девчонки! Вы чего? — пытается влезть Антон, чтобы нас успокоить.

Но меня слова, сказанные Сафроновой, сильно задевают.

Мне неприятно все, о чем она говорит, потому что она просто обесценила все мои чувства, хотя прекрасно знает, какая у меня ситуация.

— Ничего, — отвечаю, хотя внутри меня самая настоящая пропасть. — Просто я должна ехать домой. Иначе это будет мой последний выход куда-либо! Спасибо за компанию, — сухо благодарю друзей.

— Вась, ты куда?! — кричит мне в спину Антон.

— Вась, ну ты же сама виновата, что невнимательно читала программу вечера. Чего теперь на нас всех собак вешать? — голос подруги тонет в шуме крови в висках, а глаза начинает печь от обиды.

Я же не сказала ей ничего плохого. Так почему такая реакция?

— Василиса, стой! — догоняет меня Антон, преграждая путь и сдувая с глаз черную челку. — Ты куда собралась? — пятится спиной, потому что я не собираюсь останавливаться.

— Домой. Меня отец в девять ждет. Не вернусь — будут проблемы.

— Тогда подожди, я тебя хотя бы в такси посажу.

— Не стоит, Антош, — немного смягчаюсь, потому что он не виноват, что Лика так со мной… — Я сейчас переоденусь и поеду.

— Ну, хочешь, я с тобой уеду? — он проводит рукой по волосам, откидывая их с лица.

— Зачем? Отдыхайте. А я буду ваши сторис смотреть, —

все же натягиваю улыбку.

— Уверена?

— Более чем, — теперь улыбаюсь гораздо искреннее. — Не парься, Тош. Идите с Ликой и повеселитесь как следует.

— В таком случае сначала посажу тебя в такси.

— Договорились, вот только переоденусь, — захожу в наш центр и подхожу к кабинке, где оставила свою одежду.

Но не успеваю вставить ключ в замок, как вижу, что шкафчик открыт и внутри совершенно пусто…

— Да ну нет! — не верю, что этот день может быть настолько ужасен, что заканчивается кражей моей одежды.

Спустя полчаса поисков я так и не нахожу ее.

А это значит, что я приеду домой в блестящем костюме, без пуховика и сумки. Остается молиться, чтобы ректора еще не было дома. Иначе… у меня появятся большие проблемы.

Но я же говорила, что этот день не может стать хуже? Оказывается, может, потому что дверь квартиры мне открывает Григорий Павлович.

Глава 6

Гарик

— Забористая! — доносится будто откуда-то издали.

— Все равно слабовата. Помнишь, на Бали какая была? — вижу, как Марианн делает затяжку.

— О да-а-а! Такой я больше не пробовала, — отвечает ей Мелисса и, словно в замедленной съемке, ползет на четвереньках к подруге, которая поворачивается к ней, выпуская дым прямо в приоткрытые губки, что мгновенно смыкаются.

Красиво.

Мели возвращается ко мне, обнимая мое лицо за щеки и прижимаясь ртом к моему. Я жадно вдыхаю дым из ее рта, сплетаясь языками. Растворяясь в этих ощущениях.

С другой стороны к нам подползает Мари, облизывает шею и всасывает мочку, поворачивая мою голову к себе, сливаясь в развратном поцелуе.

— А полетели на Бали! — голос Мели звучит слишком звонко, будто кто-то внезапно крутанул громкость.

Она скользит рукой вниз по моему животу, накрывая ствол. Я же закрываю глаза, думая только о том, как провалиться в сон.

— М, Гар? Мы втроем! Это будет волшебно, — проводит

рукой по всей длине, устраиваясь у меня между ног.

— Да! — выкрикивает Мари. — Хочу на Бали! Полетели прямо завтра!

— Бали — это хорошо, — представляю себя на берегу океана. — Полетели.

— Правда?

— Конечно! Утром забронируем билеты.

— Гарик, ты лучший, — девчонка начинает трудиться над моим бойцом, которого они за ночь измочалили так, что утром будет больно ссать.

Но сейчас мне по барабану. Я хочу забыться, раствориться в чем-то легком, не думая о рефлексии.

— Малыш, твой телефон разрывается, — мурлыкает Мари. — Похоже, тебя папа ищет.

Приоткрываю глаза, смотря на мерцающий дисплей смартфона. Рука сама тянется к красной кнопке, потому что мне по хую на него и любые последствия. Я хочу лишь, чтобы он отъебался от меня хотя бы до утра.

— Убери его, — бормочу, стараясь блокировать мысли о родственнике.

К Мели присоединяется Мари, и они вдвоем доводят меня до разрядки, после которой я сразу же отрубаюсь.

А прихожу в себя от мерзкого звука.

— Что за херня? — ни черта не понимаю, где я, мать его.

— Это в дверь… — доносится до меня сонный голос.

И у меня с груди поднимается темная женская голова.

Только теперь вспоминаю, что я у двух эмок.

— Который час? — бормочет откуда-то со стороны второй голос.

— Кажется, четыре часа.

— Да ну нах… — бормочу я. — Там пожар, что ли? — переворачиваюсь на другой бок.

— А если реально пожар? — вскакивает Мелисса и топает к двери. — Кто там? — слышу ее голос из прихожей.

— Мы за Игорем Власовым. Открывай! — вздрагиваю, распахивая глаза. Потому что голос Вадима, начальника охраны моего отца, я узнаю моментально.

Вскакиваю на ноги и выглядываю из спальни, мотая головой и показывая, чтобы не сдавала меня.

— Блядь! — скачу по комнате в поисках трусов и штанов.

— Его здесь нет… — не слишком уверенно отвечает Мел.

— Мы точно знаем, что он сейчас находится в вашей квартире. И у вас ровно три минуты, чтобы открыть дверь, либо мы вскроем ее сами.

— Твою мать! — рычу я, подхватывая свои шмотки, натягивая их как придется.

— Игорь, кто это? — взволнованно шепчет Мари.

— Охрана моего отца, — прямо на голый торс надеваю худи, подхватывая смартфон и ключи от тачки.

— Но он ушел… — старается до последнего отмазать меня Мелька.

— Его машина стоит у вас во дворе.

— Блядь! Через балкон вылезу на пожарную лестницу? — понимаю, что мне нужно валить отсюда, и как можно скорее.

Мари, понимая, что дело пахнет жареным, натягивает на голые сиськи футболку.

— В холл, — проходит к двери, распахивая.

— Тогда до скорого, — выхожу на балкон, чувствуя, как морозный воздух мгновенно пробирается под джинсы и худи. — Ебать, — смотрю в окно, ведущее в холл, а затем вниз.

Мы находимся на седьмом этаже. Лететь будет больно.

— Мы с тобой, — выбегают следом за мной девчонки, успев завернуться в куртки и спортивные штаны.

— И хули мы будем делать? — пока не знаю, для чего мне они, но становится весело.

— Полетим на Бали! — как ни в чем не бывало отвечает Мелисса.

— Тогда погнали!

Я перекидываю ногу через перила балкона. Внизу — темнота и снег. Холодно так, что яйца к джинсам примерзают. Но адреналин шумит в крови сильнее, чем то, что мы курили всю ночь.

— Ты уверен? — голос Мари дрожит. Она вцепляется в перила так, будто это ее последняя опора в жизни.

— Нет, — усмехаюсь, запрыгивая на соседний балкон. — Но выбора у нас нет.

Мелисса, бледная, но с горящими глазами, лезет следом.

— Если мы разобьемся, я тебя убью, — шепчет.

— Тогда не разбивайся, — отвечаю, перепрыгивая через пролет.

Здесь темно и ветрено. Мелисса первой открывает дверь и заглядывает внутрь.

— Чисто, — шепчет.

Мы заходим в холл. Тишина. Только где-то далеко слышны голоса. Кажется, охрана, ломится в квартиру девчонок, не понимая, что мы уже ушли.

— Сюда, — нахожу дверь с табличкой “Запасной выход”.

Толкаю ее с облегчением, обнаружив ее открытой.

Запасная лестница. Узкая, железная, грохочущая. Но она ведет вниз, к парковке.

— Шевелимся, — бросаю девчонкам и первым сбегаю вниз.

Три пролета. Два. Один.

Вылетаем во двор. Моя красотка стоит у дальнего торца дома. Я нажимаю на брелок, и она моргает фарами, будто радуется.

— Залезайте, — открываю дверь.

Девчонки плюхаются сзади, в то время как я сажусь за руль.

Двигатель рычит, и мы срываемся с места. В зеркале заднего вида вижу, как из подъезда выбегают два амбала. Вадим машет руками, но уже слишком поздно.

Я вдавливаю педаль газа в пол, выезжая со двора и сворачивая на ночной проспект.

В голове шумит. Перед глазами все плывет. Но это невероятное чувство полета доставляет настоящий кайф.

За нами, кажется, погоня. Я набираю скорость, пролетая на красный и выезжая прямо на мост. Откуда-то на нас летит авто. Я резко сворачиваю руль и чувствую, как машину заносит.

— Гарик! — визжат девчонки.

Я кручу руль, нажимая на тормоз, но поздно.

Глава 7

— Живой? — морщусь от голоса, который надеялся не услышать в ближайшие несколько дней.

Звук приближающихся шагов окончательно спускает с небес на землю.

— Лежишь? — останавливается рядом с койкой высокая фигура отца.

— Видишь же, — бормочу, не желая его тут видеть. И сейчас я намерен продолжать делать вид, что его тут нет.

— Ты до сих пор не проспался, что ли? — снижает интонацию Игорь Власов — старший, и у меня горло сдавливает от хищных нот в его голосе.

— Капают… — бросаю небрежно, надеясь лишь на то, что в больнице он не станет устраивать скандал.

— То есть… — прокашливается отец, — ты не хочешь объясниться, так? — а вот и рык пожаловал, и это значит, что мне пришел пиздец.

Но вместо ответа я поджимаю губы и едва заметно мотаю головой.

— А ну, посмотрел на меня! — рявкает он так, что я подпрыгиваю даже в лежачем положении.

Я делаю глубокий вдох и перевожу на него взор.

— Или ты как думал? Потупишь глазки, притворишься

бедным-несчастным, пострадавшим в аварии, и я, блядь, тебе слова не скажу?

Нет, так я не думал. Потому что слишком хорошо знаю своего отца. И за последние месяцы не раз испытывал его терпение. Вот только мне, по большому счету, похуй, что он там думает. Моя жизнь — и я делаю с ней то, что хочу.

И плевать, как это отразится на его репутации. В конце концов, это не его прокапывают уже второй раз за месяц.

— Ну? Чего молчишь?

— А что я должен сказать?

—Ты, блядь, совсем мозги продымил своей херней и пропил? — нависает над койкой грозовой тучей. — Ладно бы сам убился, у меня стало бы одной головной болью меньше! И ведь был близко к этому! Но ты, сучоныш, в рубашке родился, да? Тебе достались лишь сломанные ребра. Зато твои подружки едва живы остались. Ты же понимаешь, какой это скандал? Одна в реанимации, а вторая с переломом позвоночника!

Во рту пересыхает, и я, блядь, больше не могу смотреть на него. Потому что… я не хотел, чтобы так вышло. Не хотел…

— Сейчас их родители не только по судам нас затаскают, но и всю прессу на ноги поднимут. Ты, щенок, в жизни не рассчитаешься со мной за то, что я разгребаю это дерьмо!

— Я не просил, — выдавливаю.

— Что? — он наклоняется ближе. — Что ты сказал? — и кажется выходит из себя еще сильнее.

От отца буквально веет яростью.

— Говорю, я не просил тебя разгребать за мной! — голос срывается на хрип. — Сам справлюсь, — встречаюсь с его потемневшим от раздирающей злости взглядом и сглатываю, понимая, что еще немного — и здесь может пролиться кровь.

— Сам? — отец усмехается, и в этой усмешке столько презрения, что хочется провалиться сквозь землю. — Ты, малолетний идиот, даже не представляешь, во что вляпался. Девушка с переломом позвоночника. Это не откуп в конверте, это уголовное дело, если родители не согласятся на мировую.

— Думаешь, я не договорюсь? — бросаю небрежно, хотя внутри все сжимается. — Или думаешь, что только ты все умеешь?

Отец замирает, как и выражение его лица. Оно будто каменеет. И только тогда он выпрямляется. Смотрит на меня сверху вниз. И сейчас я вижу в его глазах тот самый холод, что обычно видят его конкуренты и подчиненные. Ноль эмоций, один голый расчет. И я впервые за долгое время чувствую что-то похожее на страх.

— Договоришься, значит? — тихо говорит он. — А знаешь что, Игорь? Я больше не буду за тобой убирать.

— Что?

— Ты слышал. Я устал. Устал от твоих выходок, от пьяных разборок, от аварий, от баб, которые звонят мне и требуют денег в обмен на аборт. Я больше не буду твоим кошельком и решалой.

— Пап…

— Не перебивай! — рявкает так, что кажется, окна звенят. — Ты стал неуправляемым, зависимым… Еще немного — и ты превратишься просто в жалкого торчка! Сегодня ты выписываешься из больницы и завтра едешь в реабилитационный центр “Инсайт”.

— Что? — я пытаюсь приподняться, но ребра простреливает болью. — Ты серьезно?

— Абсолютно, — он скрещивает руки на груди. — Три месяца. Будешь жить по расписанию, ходить на терапию, дышать свежим воздухом. Без алкоголя, без других… веществ, — выплевывает с презрением, — без шлюх.

— Ты охренел? — выплевываю. — Я не какой-то там торчок!

— Ты — зависимый, — отрезает отец. — От всего, что дает тебе быстрое удовольствие. И я больше не собираюсь потакать твоим слабостям.

— А если я откажусь?

Отец усмехается. Достает из кармана пиджака телефон, что-то нажимает.

— Тогда я лишаю тебя содержания. Квартира, машина, карманные расходы — все. Будешь жить на то, что заработаешь сам.

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

— Ты блефуешь.

— Попробуй проверь, — пожимает плечами. — Но пре-

дупреждаю: если завтра в девять утра тебя не будет в “Инсайте”, твоя жизнь изменится раз и навсегда. У тебя не будет денег и поддержки. Ты будешь сам по себе. И посмотрим, как ты будешь нужен своим многочисленным друзьям без всего этого.

— Ты не посмеешь, — шиплю я, чувствуя, как в животе появляется узел страха.

— Еще как посмею, — отец поправляет манжеты. — У меня есть младшие дети. Поэтому если первый блин вышел комом, то с твоими братом и сестрой я этого не допущу.

Эти слова бьют больнее, чем сломанные ребра.

— Ты не можешь так со мной, — голос предательски дрожит.

— Могу, — он поворачивается к выходу. — И сделаю. А ты решай сам, Игорь. Ты либо берешь себя в руки и делаешь так, как я сказал, либо катишься в пропасть без моей помощи.

— Пап…

— В девять утра, — бросает через плечо. — Не опаздывай.

Дверь закрывается. Я остаюсь один в палате.

Смотрю в белый потолок и чувствую, как мир вокруг меня рушится.

Деньги. Машина. Свобода. Тусовки…

Он серьезно хочет лишить всего, что заставляет меня чувствовать себя счастливым?

Вот только есть одно но. Если Власов-старший что-то сказал, то значит, он это сделает.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить три месяца взаперти.

Без выпивки, без девчонок… без каких-либо удовольствий. В окружении психологов и с групповыми занятиями.

Меня передергивает от одной мысли об этом. И в моем представлении именно так выглядит ад.

Но, с другой стороны, без денег, без тачки, без возможности даже снять квартиру я стану никем. Потому что никто из друзей не захочет иметь дело с нищим.

Я выдыхаю.

Похоже, я попал…

— Блядь, — шепчу в тишину. — Блядь, блядь, блядь.

Глава 8

Василиса

— Доброе утро! — выхожу на кухню, где мама топчется у плиты, и с облегчением выдыхаю, понимая, что отца нет.

— Доброе, дочь! — она бросает на меня взгляд через плечо. — Садись за стол, овсянка почти готова. И поставь хлеб в тостер, пожалуйста. Папа торопится.

В ответ на ее просьбу мне хочется закатить глаза и в качестве протеста выйти из кухни, потому что я ничего не хочу делать для отца.

Прошлый вечер надолго останется в моей памяти. И отнюдь не ярким пятном из-за участия во флешмобе, а из-за истерики, которую закатил отец, увидев меня в красный колготках и красном блестящем костюме.

Как только он увидел меня, его так перекосило, будто я стояла перед ним голая посреди трассы. На пару мгновений мне даже стало страшно, что ему станет плохо и мне придется вызывать скорую.

Но он очень быстро развеял это впечатление, вылив на меня ушат с помоями…

— Василиса, ты чего застыла? — снова смотрит на меня мать. — Давай, дочь, шевелись. Его после вчерашнего лучше

не злить.

Мне хочется огрызнуться на ее это “не злить”. До сих пор не понимаю, почему все у нас должно быть только так, как сказал папа, и все должны это выполнять беспрекословно.

— Лиза на тренировке? — все-таки прохожу к тостеру и ставлю внутрь хлеб.

— Да, как обычно.

В этот миг я очень завидую младшей сестре, которая практически не пересекается с отцом. Вечно у нее то тренировки, то соревнования, то сборы. Так и получается, что я отдуваюсь за двоих.

— Чай наливай себе, — мама накладывает кашу и начинает суетиться возле кофемашины.

— Можно мне тоже кофе? — спрашиваю с надеждой, уже зная ответ.

— Василиса, не говори ерунды, — бросает она небрежно.

Достаю кружку и наливаю свежую заварку, видимо мама совсем недавно залила ее, и добавляю кипятка, уже представляя, как беру латте в кофейне.

Но не успеваю я дойти до стола, как в дверном проеме появляется отец.

— Доброе утро, — бросает он недовольно, опускаясь на стул во главе стола. — Маша, кофе еще не готов?

— Доброе, Гришенька! Пару минут!

— Я же сказал, что тороплюсь!

— Сейчас все будет, — мама начинает суетиться, а мне

становится неловко за ее поведение. Ну что ж она так стелется перед ним? Взял бы и сам сварил себе кофе. Не развалился бы.

Сажусь наконец-то напротив ректора и, взяв ложку, начинаю ковырять кашу, хотя аппетита никакого. Но меня просто не выпустят из-за стола, если я не проявлю должного уважения к матери и ее труду. Вот и приходится давиться кашей.

В кармане вибрирует телефон. И он постепенно начинает жечь, даже через плотный деним джинсов.

— Василиса, поторопись, — наконец-то ставит перед отцом чашку с ароматным американо мама.

— У меня еще есть время в запасе.

— Нет, — отрезает отец. — Ты едешь со мной.

— Но… — растерянно смотрю на него. — Ты же уезжаешь раньше. Зачем мне там быть так рано?

— С этого дня будешь работать у вас в деканате с отстающими.

— Что? — и без того отсутствующее настроение падает еще ниже.

— И никакого больше корейского. Хватит с тебя этой дурости.

— Но, папа! — вспыхиваю, потому что это единственное, что приносило мне удовольствие в моем плотном графике пар. — Когда? Мне еще нужно готовиться ко второй сессии…

Параллельно я учусь в двух вузах. И если основное обра-

зование я для себя не выбирала, то заочно поступила на ту профессию, которую захотела сама.

— И это не мешало тебе прыгать как мартышка и позорить меня, — мгновенно заводится отец. — Это ж надо было… — замолкает, чтобы с утра не выйти из себя. — Моя дочь — и чтобы таким занималась! Да еще без одежды заявилась, как какая-то!.. Не дай бог, тебя кто-то увидит на этих твоих видосиках. Осрамишь меня на всю страну. Так что нечего мне тут придумывать про отсутствие времени. Меньше ерундой всякой будешь заниматься — больше пользы принесешь. Сосредоточишься на главном.

— У меня же практика начинается через неделю у дяди Юры…

При упоминании имени маминого брата отец поджимает губы, хотя глаза краснеют. Ему не понравилась идея того, что я параллельно решила учиться на психолога. Он видел меня в госаппарате. И до сих пор надеется меня пропихнуть в правительство. Вот только я этого не хочу. Поэтому дядя Юра, именитый психиатр, что всячески поддерживает мое второе образование, для него как кость в горле, которую отец никак не может ни проглотить, ни выплюнуть.

— Гриш, ты ешь. Тебе нельзя нервничать, — мама ставит перед отцом таблетницу и стакан воды. — И мы же договорились — никаких скандалов, да? — накрывает его руку своей, и отец сдувается от этого контакта, будто воздушный шарик. К нему даже возвращается нормальный цвет лица.

А я в очередной раз поражаюсь, как это маме удается не только терпеть его вспыльчивый нрав, но и подавлять все его истерики.

Жаль только, вчера вечером ее не было. Потому что мне казалось, отец разорвет меня на части.

Хотя самому же после было плохо, и он глотал успокоительные горстями.

— В общем, ты меня поняла, Василиса. Приставлю к тебе несколько отстающих. И ездить будешь на занятия со мной до тех пор, пока я не пойму, что тебе можно верить.

В голове проносятся едкие слова подруги, которые она кинула мне в лицо накануне. Чувствую, что расстраиваться по поводу моего отсутствия в центре корейской культуры она не будет. А значит, и у меня нет причин бежать туда, где мне не рады, да еще и ограбили.

— Ладно, — принимаю свое наказание, так как идти против его слова бесполезно.

Это только у Лизки выходит получать от папы все, что ей нужно. Но ей можно… она у нас восходящая звезда художественной гимнастики. А мне же достались мозги, как говорит папа. И я не имею права распыляться на всякую ерунду.

— Но практику мне придется проходить…

— Я поговорю об этом с Юрием.

После этой фразы я отчетливо понимаю, что не видать мне долгожданной практики у дяди в его центре реабилитации. А это еще хуже, чем запрет на занятия корейским.

А значит, у меня есть всего неделя, чтобы вернуть доверие отца и стать для него самой послушной и лучшей дочерью.

Закончив завтрак и убрав за собой посуду, я выхожу из кухни, чтобы взять рюкзак. И только теперь достаю смартфон, увидев сообщение от Антона.

Антонио: *"Прив! Сегодня как всегда?"*

VV: *"Привет! Прости, но я сегодня с отцом".*

Антонио: *"Все так плохо?"*

VV: *"На парах расскажу".*

Антонио: *"Оки. Потому что у меня для тебя сюрприз".*

VV: *"Не томи…"*

Антонио: *"Я кое-что выиграл".*

Следом приходит фото с баннером концерта той самой группы, под чью песню мы снимали вчера видео.

И тут мне окончательно хочется расплакаться, потому что Антон выиграл два билета на их концерт в Бангкоке. Но об этом мне можно даже не мечтать. Никогда отец не отпустит меня на концерт какой-то позорной группы в другую страну, да еще и с парнем.

Антонио: *"Второй билет ждет тебя, Вась. Для тебя его выигрывал".*

— Василиса! — гремит голос отца, спуская меня с небес на землю.

А я думаю, что должна сделать для того, чтобы он отпустил меня не только на стажировку, но и в Бангкок? Похоже, мне придется продать ему душу еще на пару лет. Но стоит

ли оно того?

Глава 9

— Слушай, ну, давай я заплачу, а ты все за меня сделаешь? — сидит надув губы блондинка — третьекурсница в экстремальном мини. Она явно ходит в университет не за знаниями, а я не понимаю, зачем таких держать в вузе, если они даже не пытаются приложить минимум усилий.

— Моя задача — тебя подтянуть, чтобы твой мозг начал работать, — говорю, прекрасно понимая, что это напрасная трата времени и ей это совершенно не нужно.

— Ну серьезно, — она ставит ноги ровно и опирается локтями на столешницу. — Тебе разве хочется тут со мной торчать? Наверняка ты одна это все в два раза быстрее сделаешь. А я заплачу тебе вдвое больше, а?

Я же представляю лицо отца, когда эта звезда завалит экзамен, и ее отец не погладит по голове моего, а тот, в свою очередь, сделает мою жизнь еще более невыносимой, потому что я не смогла этой кукле хоть что-то вложить в голову.

— Нет! — отвечаю твердо. — Занимаемся дальше.

Когда истекает второй академический час наших занятий, Каролина буквально выпархивает из аудитории, которую мне выделили для репетиторства.

Я же выхожу следом за ней. И вижу, как белокурая голова расцеловывает подружку в щеки.

— Ты откуда такая нервная?

— Папа заставил заниматься с Ржавчиной. Ты не представляешь, насколько она душная… — жеманно отвечает она, а мне становится неприятно от подобной неблагодарности.

Ведь я даже не напрашивалась на то, чтобы подтягивать ее. Будь моя воля, я это время потратила бы на свои интересы. И точно не теряла бы драгоценные часы ради тех, кому это совершенно не нужно.

Дохожу до аудитории, у которой меня поджидает Антон.

— Привет! — улыбается он, осматривая меня с ног до головы, и мне почему-то становится некомфортно от того, каким взглядом он это делает. Будто… имеет право.

— Привет… — подхожу ближе, чувствуя, что сегодня он какой-то другой.

— Вот, жду тебя, — берет с подоконника стаканчик кофе и протягивает мне. — Это тебе.

— Оу! — это что-то новенькое. — Спасибо. Все утро мечтаю о кофе.

— Считай, что я твой джин, — смеется он, снова впиваясь в меня взглядом.

— Тогда мне повезло, — подношу к губам трубочку и прячу глаза, делая глоток, ощущая какой-то подвох.

Кофе горячий, сладкий, с малиновой кислинкой. Все именно так, как я люблю, и мне приятно, что Антон помнит, как именно мне нравится.

Это приятно, но в то же время настораживает.

— Ты чего сегодня такой? — спрашиваю, чтобы нарушить тишину.

— Какой? — он наклоняет голову.

— Не знаю, — пожимаю плечом. — Внимательный.

— А разве я обычно не внимательный?

— Не так, как сегодня, — мне все это кажется странным. Хотя, возможно, всему виной наша ссора с Ликой. — Просто обычно ты не встречаешь меня с кофе у дверей.

— Сегодня особенный день, — он делает шаг ближе. — Мне не терпится отпраздновать свой выигрыш! Я ждал, когда ты освободишься.

Вот и ответ. А я непонятно что навыдумывала себе, хотя передо мной старый, добрый Тонио.

— Хотел спросить, — он замолкает, будто подбирает слова. — Ты придумала, как решить вопрос с Бангкоком?

Я вздыхаю.

— Пока нет.

— Может, твоя мама вмешается? Она же не такая строгая, как отец.

— Мама ничего не решает, — качаю я головой. — Она всегда на его стороне.

— А если я поговорю с твоим отцом? Он ко мне хорошо относится… вроде, — звучит не очень уверенно.

Я усмехаюсь. Потому что папе не нравится никто из моих друзей. Особенно мужского пола.

— Он выставит тебя за дверь и запретит мне с тобой общаться.

— Тогда давай придумаем, где ты могла взять такие билеты, — он понижает голос. — Я не хочу ехать один.

— Ты можешь взять Лику… — сразу же в груди становится тесно. Мне грустно и обидно, что она так резко прошлась по мне накануне. Хотя знает, в какой я ситуации. Именно поэтому я не спрашиваю, как они сходили в клуб.

— Не хочу с ней, — хмурится он.

Я молчу.

Потому что мне поможет только чудо. Но надеяться на него глупо.

— Я что-нибудь придумаю, — говорю, хотя понятия не имею, как я это сделаю.

— Только не тяни, — он криво улыбается. — Мне надо указать своего “плюс одного”.

— Хорошо.

— Ладно, — он отступает. — Пойдем на пару, а то опоздаем.

Я допиваю кофе, выбрасываю стаканчик и иду за ним в аудиторию.

В голове прокручиваю разные варианты того, как я могу уговорить отца. И пока мне приходит только одна идея. Я должна научить этих бездарей, которых он ко мне приставил, хоть чему-то и договориться с ними, будто билеты мне достались в качестве подарка за хорошую работу.

Вот только… я ненавижу лгать, и обычно это не заканчивается ничем хорошим.

Но разве у меня есть другой выход?

— Привет! — падает на стул рядом со мной Лика. От нее несет перегаром вперемешку с тяжелым парфюмом, пахнущим йодом и бинтами. Мне хочется зажмуриться от этой вони. — Вы не поверите! — наклоняется она ко мне так, чтобы Антон слышал каждое слово. Я же застываю, не понимая, как можно так жестоко обидеть человека, а потом делать вид, словно ничего не произошло. — Ночью, когда я возвращалась домой из клуба, видела жуткую аварию на мосту. А сегодня узнала, что это Власов влетел в ограждение.

— Боже! — смотрю на нее ошарашенно.

— Но самое ужасное, что с ним были две девчонки и обе мертвы! Представляете! Так что кончилась веселая жизнь Гарика… Закроют его за решеткой, и надолго.

А мне внезапно становится жаль этого павлина. Никому не пожелаешь такой участи. Но перед глазами вспыхивает сцена под лестницей, и я уже не настолько ему сочувствую. Ведь он мог просто воспользоваться ситуацией и взять меня силой. А если он действительно убил двоих, то в тюрьме ему самое место.

К тому же это значит, что до конца семестра я больше его не увижу. И это отличная новость.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. И моим надеждам не суждено сбыться.

Глава 10

Гарик

— Добрый день! Для тех, кто у нас впервые, — рада вас приветствовать в нашем тесном и дружном кругу. Меня зовут Марина Вячеславовна, — ухоженная блондинка лет сорока обводит взглядом присутствующих, задерживая взор на мне. — Надеюсь, что все сегодня выспались и пришли на встречу в отличном настроении.

— Завтрак был топчик, — смеется тощая шатенка, на которую и смотреть больно. Кажется, только взглядом можно напороться на ее кости.

И кому-то такое может нравиться?

— Это похвально, Серафима, что ты начала завтракать. Расскажи, что ты ела?

Улыбка на лице тощей застывает, и глаза начинают бегать, говоря о том, что она напиздела. Вот только на хрена?

— Я… я съела кусочек вафли, и яблоко.

— Хорошо. Уже лучше, — произносит психологиня. — Твоему желудку надо привыкать к еде.

— Да, я учусь не пропускать приемы пищи.

Пока тощая пытается объясниться относительно отсутствия хоть каких-то пищевых привычек, я осматриваю

остальных и ловлю на себе такие же любопытные взгляды.

Всего нас пятнадцать человек, большая часть из которых выглядит значительно старше меня. И лишь человек шесть примерно моего возраста. Но, глядя на этих додиков, по которым сразу видно, что они с отклонениями и зависимостями, я совершенно не понимаю, почему нахожусь среди них.

— Иван, а как твои дела? Есть чем поделиться?

— Я не спал, — бросает резко пацан лет восемнадцати, с безумным взглядом и непрерывно дергающий ногой.

Выглядит он откровенно хреново. Впалые щеки, синяки под глазами, серая кожа.

Бля!

Куда я попал?

— Почему? — терпеливо спрашивает его ведущая нашего кружка уродов и психов.

— Мне здесь душно. Я задыхаюсь, ясно? — он вытирает ладони о обтянутые трикотажной тканью колени.

— Ты обращался к медперсоналу?

— При чем тут это? — вспыхивает он, и я вижу, с каким трудом ему удается усидеть на месте. — Я просто хочу отсюда вырваться. И точка.

— Твое желание связано с тоской по дому и привычной жизни или же с твоей зависимостью?

Глаза пацана наливаются кровью, когда он смотрит на психологиню, и я готов поклясться, что он мысленно препарирует ее.

Мне не по себе от этого сопляка и от его выражения лица. Кажется, этот совершенно конченый и готов на любую дичь ради того, чтобы вернуться к прежнему образу жизни.

Разве я выгляжу так же? Какого хрена отец запихнул меня сюда?

— Я не хочу об этом говорить, — наконец-то бросает этот обсос и сжимает губы в тонкую линию.

Слушая истории зависимых с дрожащими руками, анорексичек и женщины, которая десятилетиями страдает селфхармом, я все больше убеждаюсь, что мне тут не место.

— Сегодня у нас новый участник группы, — смотрит на меня Марина Вячеславовна. — Игорь, добро пожаловать.

Вокруг раздаются аплодисменты. А мне хочется провалиться сквозь землю, потому что я не такой, как они.

— Игорь, ты хотел бы поделиться тем, почему оказался здесь?

Я поднимаю на нее взгляд, испытывая примерно те же эмоции, что предыдущий пацан.

— Не особенно.

Кто-то из угла хмыкает, а мне хочется втащить ему за то, что имеет право осуждать меня за выбранную позицию.

— Это обязательная часть программы, — мягко говорит блондинка. — Рассказ о себе помогает сблизиться с группой и...

— Меня сюда сослал отец, — перебиваю. — Потому что я разбил машину.

— Это все? — подает голос мужик напротив. — За такое не отправляют на принудительное лечение.

Я сжимаю челюсти. Ненавижу выскочек и умников.

— В крови нашли алкоголь и остаточные следы препаратов. Я был не совсем трезв.

— В какой степени? — не отстает он.

— Какая разница? — огрызаюсь, подавляя желание втащить этому упырю.

— Игорь, — снова включается психологиня. — Здесь все свои. Мы не осуждаем. Попробуйте быть честным хотя бы здесь.

Я молчу. Смотрю в ее глаза, добрые и понимающие до тошноты глаза. Ненавижу сердобольных, особенно когда речь идет обо мне. Не нужно меня жалеть! Я в порядке!

— Я был не в себе, — выдавливаю. — Достаточно не в себе, чтобы сбежать через балкон и, после таблеток, залитых алкашкой, сесть за руль с девчонками, с которыми встречался, чтобы кайфануть и хорошо потрахаться, — я не выбираю слов. Хочу быстрее закончить часть с чистосердечным и послать их всех на хер. — Не помню, как влетел в ограждение на мосту. Очнулся в больнице.

В комнате повисает тишина.

— Девушки пострадали, — добавляю. — Одна в реанимации. Другая с переломом позвоночника.

— Ты чувствуешь вину? — спрашивает психологиня.

— К совести моей хотите призвать? Я не заставлял их бе-

жать за мной, ясно? Я просто хотел скрыться от охраны отца, которая… — замолкаю, не собираясь говорить, что эти черти даже поебаться нормально не дают в последнее время. — Меня бесит, что я здесь, — огрызаюсь. — А вину... не знаю.

Она кивает, явно удовлетворенная моей вспышкой.

— Спасибо за откровенность, Игорь. Мы вернемся к этому разговору позже.

Я откидываюсь на спинку стула.

Теперь, когда я выплюнул это все вслух, внутри меня разливается пустота, которая сменяется злостью на себя.

Потому что психологиня права.

Из нас троих в той машине пострадать должен был только я. Тогда не было бы этой проклятой клиники и душевных бесед.

Но я цел и невредим, мать его.

И теперь огребу сполна. Потому что я не выдержу в этих стенах даже пары дней…

Глава 11

Василиса

— Здравствуйте! Я на стажировку, Василиса Григорьевна Вяземская, — стараюсь говорить прямо в динамик, на пункте охраны реабилитационного центра моего дяди.

— Проходите, — сухо отвечает мужчина, и я слышу щелчок открываемого замка, и внутри меня будто распускается узел, что все время сидел внутри.

Массивная железная дверь открывается, позволяя мне попасть на пропускной пункт центра. Я прохожу все необходимые процедуры, включая досмотр и заполнение документов, и только после этого, получив карточку с допуском, я прохожу на территорию центра, направляясь в административное здание.

Внутри все замирает от восторга. Потому что я так долго мечтала попасть сюда на практику, что это место для меня стало чуть ли не мифическим. Ведь я до конца не была уверена, что дядя согласится взять к себе студентку заочного отделения. А когда он подтвердил мою кандидатуру, то была крайне осторожна, не рассказывая особо никому об этом.

Но события двухнедельной давности здорово подорвали мою уверенность в завтрашнем дне, и я всерьез опасалась,

что отец сделает все, чтобы моя стажировка не состоялась, с такой же легкостью, с какой отобрал у меня все остальное. К счастью, дядя Юра сумел настоять на моей стажировке. Он сам разговаривал с отцом, когда я рассказала, что не смогу явиться в центр в указанный срок.

И ректор… сдался.

И вот я здесь.

В административном здании я практически мгновенно нахожу кабинет главного врача. Но там оказывается пусто. Я сажусь на диванчик напротив таблички с именем маминого брата и просто жду.

Проходит несколько минут, и я вижу высокую фигуру дяди и тут же подскакиваю на ноги.

— Васена, привет! — расплывается он в улыбке, завидев меня.

— Здравствуйте, дядь Юр!

Я, как в детстве, подпрыгиваю на ноги и, приближаясь к нему, сначала поворачиваюсь спиной, чтобы он дернул меня за хвостик, а затем ныряю к нему в объятия в широко расставленные руки, мгновенно чувствуя себя здесь как дома.

Мамин старший брат всегда был для меня примером не только специалиста, который действительно помогает другим, но и того, каким мужчиной нужно быть. Он всегда и во всем меня поддерживал и порой верил в меня даже больше, чем я сама. А его рассказы о работе приводили меня в какой-то практически священный трепет. Поэтому я всегда

знала, чем хочу заниматься.

— Мне кажется или ты еще подросла с нашей последней встречи? — рассматривает он меня, держа за плечи на вытянутых руках.

— Я больше не расту, — смеюсь.

— Да? А ведь я тебя помню вот такой… — как обычно, шутит, приближая друг к другу большой и указательный пальцы, сокращая между ними расстояние.

— Это было тыщу лет назад!

— А кажется, что вчера. Ну, как настрой?

— Боевой!

— Ну, мы здесь не для войны, — продолжает улыбаться. — Но нервы нужны железные. Пойдем, я покажу тебе, где тебе предстоит работать.

Он ведет меня по коридорам, рассказывая о центре.

— Здесь у нас реабилитация строится на трех основных направлениях, — говорит дядя Юра, показывая на схему на стене. — Первое — медицинское: детоксикация, купирование абстинентного синдрома, восстановление физического здоровья. Второе — психотерапевтическое: индивидуальная и групповая терапия, работа с причинами зависимости. Третье — социальное: ресоциализация пациентов, помощь в возвращении к нормальной жизни.

— Без последнего пункта все остальное теряет смысл, — произношу.

— Именно, — кивает он. — Можно вычистить организм,

можно проработать психологические триггеры, но, если человек не умеет жить без веществ, без старых привычек, без токсичного окружения... — он разводит руками, — все возвращается на круги своя. Поэтому мы учим их буквально всему: выстраивать режим, находить новые увлечения, говорить "нет". Полное выздоровление возможно только тогда, когда мы убираем первопричины зависимости, а не просто чистим организм. Поэтому подход у нас комплексный. И строгий, — добавляет он, показывая на камеры по углам коридора. — Первые две недели — полная изоляция. Телефоны, планшеты, ноутбуки — все изымается. Связь с внешним миром только через стационарный телефон под присмотром персонала.

— Как в тюрьме, — говорю невольно.

— Нет, — качает он головой. — В тюрьму отправляют наказывать. Сюда же люди приходят за помощью. Или, как часто бывает, их привозят родственники, — в его голосе появляется грусть. — Но без желания самого пациента выздоровление невозможно.

Мы идем дальше. Он показывает мне столовую, кабинеты для индивидуальной терапии, небольшой спортзал, комнату для групповых занятий. Я стараюсь запомнить каждую деталь, каждый уголок этого места, которое для многих становится последним шансом.

— А это наш пост медсестер, — он указывает на стойку с мониторами. — Круглосуточное наблюдение.

— Всегда кто-то дежурит?

— Всегда, — кивает. — Особенно важно — ночью. Бывают срывы, попытки побега, а иногда и... — он не договаривает, но я понимаю.

И нельзя допускать того, чтобы пациенты совершили непоправимое.

Я проглатываю ком в горле.

— Это у нас изолятор для буйных и комната временного пребывания для новых пациентов, — он ведет меня по коридору в левое крыло. — Сюда мы приводим людей, когда их только доставили. Пока врачи оформляют документы, они ждут здесь.

Я заглядываю в маленькое окошко. Внутри пусто.

— А сегодня у вас есть новенькие?

— Один, — дядя Юра поправляет очки. — Он уже прошел первичный осмотр.

Мы проходим дальше.

— А это что за дверь? — спрашиваю, заметив массивную металлическую дверь в конце коридора.

— Главный пост охраны. Оттуда управляют замками и камерами. Без карточки из здания не выйти.

— И чтобы попасть в палаты?

— Тоже только по карточкам, — кивает он. — У каждого сотрудника свой уровень доступа. У тебя — пока только в административную зону и учебные классы, где ты будешь помогать с документами и наблюдать за работой специали-

стов.

Я киваю, стараясь запомнить все.

Мы выходим в другое крыло, и дядя Юра показывает кабинет, где мне предстоит работать. Стол, компьютер, стопки папок.

— Здесь ты будешь помогать с документацией, — он открывает папку. — Истории болезней, первичные заключения, планы терапии. Все под моим контролем, конечно. Тебе нужно научиться оформлять это правильно, такова часть работы.

— А что-то еще? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос не звучал слишком нетерпеливо.

— Конечно, — он улыбается. — Я прикреплю тебя к старшему специалисту. Будешь присутствовать на групповых занятиях, наблюдать за индивидуальной терапией, помогать с простыми тестами. Со временем — если покажешь себя — можешь попробовать проводить диагностические беседы под присмотром.

— Серьезно? — не верю своим ушам.

— Серьезно. Ты пришла сюда учиться, а не чаи гонять. Но, — он поднимает палец, — без самодеятельности. Только то, что разрешит куратор. И никаких личных контактов с пациентами вне терапии.

— Конечно, — киваю. — Об этом не может быть и речи!

Это именно то, ради чего я сюда шла.

Внутри все трепещет от предвкушения. Мне не терпится

познакомиться с историями болезней пациентов и посмотреть на работу сотрудников центра.

Мы возвращаемся в коридор, и я уже собираюсь задать вопрос о распорядке дня, как вдруг...

Пронзительный звук разрывает тишину.

Резкий. Громкий. До визга в ушах.

Красные лампы на стенах начинают мигать в такт, и у меня сердце ухает вниз.

— Что это? — вскакиваю.

— Пожарная тревога, — дядя Юра меняется в лице. — Сиди здесь. И не выходи.

Он быстро уходит по коридору, а я замираю на месте.

Сердце колотится где-то в горле.

Сигнал не стихает. Мигание красных ламп действует на нервы.

Мне страшно.

Но любопытство сильнее.

Я осторожно выглядываю за угол, но никого не вижу.

В коридоре пусто.

Но где-то вдалеке слышны голоса.

Делаю несколько шагов в их сторону и замираю.

Из дальнего конца коридора выходят двое санитаров. Между ними парень с заведенными за спину руками. Широкие плечи расправлены, голова поднята. Если бы не санитары по бокам, можно было бы подумать, что он здесь главный.

В том, как он идет и держит себя, чувствуется порода и

злость.

Скулы напряжены, взгляд тяжелый.

Санитары проходят мимо меня, почти вплотную.

Парень поворачивает голову. И я вижу знакомое до боли лицо, цепенея.

Не может быть!

Это же… Гарик Власов.

Он смотрит на меня в упор.

Наши взгляды перекрещиваются, и мне кажется, что я вижу вспышку в его глазах.

И я не могу прекратить пялиться на него.

— Отойдите, — командует один из санитаров, и я послушно отступаю к стене.

Они проходят мимо.

Но в моей голове не укладывается, что он не в тюрьме, а здесь. И это, наверное, хорошо для него, но для меня это — очень плохие новости…

Глава 12

Стоит Власову скрыться из вида, как сирена внезапно замолкает.

Но я по-прежнему стою не двигаясь, провожая взором след человека, которого никак не ожидала здесь увидеть.

— Василиса, — слышу чей-то голос сквозь шум крови в ушах, сменивший вой сирены.

Медленно оборачиваюсь на голос и вижу перед собой девушку в медицинском костюме.

— Здравствуйте! — говорит она слегка растерянно. — Я — София из процедурного. Меня Юрий Олегович попросил вас провести в приемную и дождаться его.

— А, да, — наконец-то гул в ушах затихает, и я следую за девушкой. — Из-за чего включилась сирена?

— Это, — она бросает на меня взгляд через плечо, удерживая руки в карманах рубашки, — один наш буйный пациент. Поджег урну с мусором.

— Боже! Надеюсь, пламя не успело охватить помещение?

— Нет, — снова ловлю ее профиль и вижу, как она улыбается. — Урна была металлическая. Все обошлось. Да и пациента успели поймать практически сразу.

— И часто у вас такое? — представляю, что каждый день приходится сталкиваться с подобным, и у меня мурашки по

коже.

— Этот конкретный пациент бунтует на постоянной основе, — вздыхает София. — Уже две недели здесь, а каждый день выкидывает что-то новенькое. То драку устроит, то медсестре нахамит или закроется в сестринской и спустит в унитаз запасы лекарств. Пытался сбежать, а теперь до поджогов докатился. Думает, если будет буянить, его выгонят.

— А его выгонят? — хочу определить, где находится та самая грань, после которой нет пути назад.

— Его-то? — усмехается она. — Сложные пациенты никому не нужны. Только его отец хорошо платит, и договор у нас такой, что просто так не откажешься. Вот и мается наш персонал. Хотя Юрий Олегович старается каждому помочь, — она понижает голос, — но сегодня, кажется, пациент перешел черту. И теперь его в изолятор отправили.

— И сколько ему там предстоит сидеть?

— Пару дней посидит, подумает. Может, поумнеет.

— Простите, София, можно узнать имя этого пациента… — судя по тому, что я услышала о богатом отце и его щедрых пожертвованиях, на ум приходит только одно имя, — чтобы я знала, с кем имею дело…

— Ах да! Игорь Власов, — тяжело вздыхает она, и меня будто простреливает разрядом тока, потому что это несправедливо! И его вообще тут быть не должно!

— Удобно его отец устроил, — испытываю к этому мерзавцу отвращение, а еще злость, оттого, что он так легко от-

делался.

— В каком плане? — София останавливается у дверей приемной.

— Ну как же! По его вине погибли люди, а его спрятали в одну из самых лучших клиник страны.

— Подождите… — хмурится она. — Что значит "погибли люди"?

— Ну как же… Две недели назад он, пьяный, попал в аварию. С ним в машине были две девушки, и они погибли, — передаю чужие слова.

Но теперь, глядя на лицо Софии, начинаю жалеть о сказанном, потому что она смотрит на меня с недоумением, и мне хочется провалиться под землю.

— Разве это не так?

— Он действительно попал в аварию под действием веществ. И одна из девушек была в тяжелом состоянии, но сейчас они идут на поправку.

— То есть?..

Не знаю, испытываю я по этому поводу радость или все же горечь оттого, что этого нахала нельзя спихнуть с реабилитации в полицию, лишив персонал клиники очередной головной боли.

— Он никого не убивал? А почему он тогда здесь прячется?

— В том-то и дело, что он не прячется, — вздыхает она. — У этого парня зависимости. И независимо от того, что он из-

девается над нами, ему прежде всего нужно пройти лечение. Поэтому нужно, чтобы он сам этого захотел. Иначе следующий раз будет не таким везучим и вместо комфортабельного центра он может оказаться в темной и холодной могиле.

Когда дядя Юра все же возвращается и, выпив вместе со мной кофе, отводит меня в кабинет, где хранятся личные дела пациентов, я с замиранием сердца нахожу папку с именем Игоря Власова.

— Сегодня начни знакомиться с личными делами пациентов, — говорит дядя, — Это поможет тебе понять, с кем предстоит работать. И на практике увидишь их состояние и проанализируешь, какие методы могут оказаться более эффективными в их терапии.

— Уже не терпится, — улыбаюсь, сжимая корешок папки и шумно вдыхая и выдыхая.

Главный врач выходит, оставляя меня наедине с десятками историй.

Провожу пальцами по черной безликой обложке с именем человека, которого я презираю каждой клеточкой своей души, и только после этого открываю папку, сразу же встречаясь с дерзким взглядом Власова.

Он не улыбается. Смотрит на меня исподлобья, а в глазах привычный вызов. Будто все вокруг букашки и он один повелевает этим миром.

Во рту пересыхает, потому что я сразу же представляю, как сильно он возненавидит меня, когда поймет, что я в кур-

се не только его демонов, но и слабостей. На лбу выступает испарина. Я прекрасно понимаю, что как только он выйдет отсюда, то попытается отыграться на мне. И мне становится страшно.

Но я все равно начинаю вчитываться в строчки, изучая особенно тщательно диагноз, результаты его анализов и характеристику.

Получается, что он был под действием не только алкоголя… И здесь он вряд ли очутился по своей воле. Поэтому три месяца принудительного лечения для него покажутся настоящей каторгой.

Закрываю папку и убираю ее на место.

На автомате беру другую папку, читая имя, но даже не запоминая его. Потому что все мои мысли заполнены одним мерзавцем, работа с которым мне покажется адом. Ведь он сделает все, лишь бы саботировать мою стажировку здесь. И я не удивлюсь, если дяде придется отказать мне в практике…

Глава 13

— Здравствуйте! — прохожу в зал для групповой терапии и направляюсь в угол помещения.

За четыре дня, что я прохожу стажировку, сегодня всего лишь второй раз, когда мне удается попасть на групповую терапию, потому что пары, которые я посещаю очно, никто для меня не отменял.

Замечаю, как выпрямляется парнишка, который бросил школу после девятого и два года “искал себя”. Доискался до реабилитационной клиники.

— Здравствуй, Василиса, — приветствует меня Марина Вячеславовна, когда заходит в зал. — Как настроение?

— Спасибо, прекрасное! Мне очень интересно, как будет проходить занятие сегодня и есть ли у пациентов какие-то сдвиги после прошлой терапии.

— Не жди быстрых результатов. Это не про наше дело.

— Я это осознаю, — психологию я выбирала в первую очередь для того, чтобы решить свои проблемы, которые годами копились, и никто, кроме дяди, не пытался мне помочь справиться с ними.

И я, как никто другой, знаю, сколько сил и времени требуется для их решения.

Сейчас передо мной стоит задача научиться помогать дру-

гим. Именно для этого я здесь. И надеюсь, что мне удастся хоть немного помочь изменить жизнь кого-то из пациентов.

— Это замечательно, — улыбается женщина. — Обсудим после, хорошо?

— Да, конечно, — улыбаюсь, занимая свое место, и ловлю на себе любопытные взгляды Ивана, старательно делая вид, что не вижу этого.

Делаю пометки в блокноте, а по залу проходятся раздраженные шепотки.

— Явился, пиромант херов, — грубо бросает Сергей, мужчина тридцати пяти лет с нервным срывом после банкротства.

Мне хватает этой фразы, чтобы сердце пустилось галопом.

А когда начинает жечь лоб так, будто кто-то уничтожает меня взглядом, я поднимаю глаза и замираю.

В дверях стоит Власов.

На нем черные спортивные штаны и черное худи с натянутым на голову капюшоном. Правда, вид у него не сказать чтобы свежий. Под глазами темные круги, и кажется, что щеки впали. Изолятор не пошел ему на пользу.

Но эти глаза... Взгляд еще более тяжелый и колючий, чем раньше. Он впивается в меня, как нож.

Я не могу отвести глаз, чувствуя, как учащается пульс и шумит в ушах кровь.

— Игорь, проходи, садись, — голос Марины Вячеславовны звучит спокойно, будто ничего не происходит и здесь не

объявился демон в человеческом обличье.

Он проходит в зал не спеша. Медленно, словно делает одолжение. И садится напротив меня. Нас разделяет круг пациентов, но я вижу его, расположившегося так, что его не загораживает ни Марина Вячеславовна, ни пациентка, сидящая с ней рядом.

Я опускаю глаза в блокнот, но пальцы не слушаются. Мои щеки горят, и мне вообще не по себе от простого присутствия этого мажора, не говоря уже о его взорах.

— Сегодня у нас открытое занятие, — терапевт обводит взглядом группу. — У нас снова гость Василиса. Она стажер. Ее присутствие не должно вас смущать.

Никто не отвечает и не произносит шутки про подопытных кроликов на этот раз. И я за это благодарна им.

— Игорь, — она поворачивается к нему. — Ты первый раз на групповой после изолятора. Хочешь поделиться своими впечатлениями о времени, проведенном взаперти?

— Не особо, — отвечает хрипло Власов.

— Ты должен говорить, чтобы мы могли тебе помочь.

— Спасибо, но нет, — он откидывается на спинку стула, засовывая руки в карманы худи. — Я ничего не хочу.

— А я хочу, — подает голос Сергей. — Хочу услышать, что он забыл в нашей клинике? Вон, отец ему любой центр за границей оплатит. Зачем он нам? Чтобы посмеяться над нами?

— Сергей, — мягко останавливает его психологиня.

— А что? Я не прав? — не унимается тот. — Такие, как он, не лечатся. Им лишь бы понтоваться и развлекаться. Мусор поджигать, драки устраивать.

Гарик молчит и сверлит взглядом Сергея.

— Закончил? — спрашивает тихо.

— Нет, — заводится тот. — Ты здесь никого за людей не считаешь. Я видел, как ты на медсестер смотришь. Как на мусор.

— Отвали от меня, — Гарик подается вперед, и его глаза становятся будто черными. — Ты меня не знаешь. И ни хера не знаешь о моей жизни.

— А что там знать? Папенькин сынок...

— Заткнись, — рявкает Гарик так, что я вздрагиваю.

Сергей замолкает. Но вряд ли потому, что испугался.

Марина Вячеславовна поднимает руку.

— Хватит, — говорит она спокойно. — Игорь, ты хотел бы ответить что-то о причине, по которой тебя заперли в изоляторе?

— Нет, — он отворачивается к окну.

Занятие продолжается. Высказываются другие пациенты. Иван рассказывает, что не спит третьи сутки. Серафима плачет, что не может заставить себя есть больше. Но есть и позитивные истории. Андреа, красивая смуглая девушка, идет на поправку и рассказывает нам о своем увлечении живописью.

Я все записываю, стараясь пока не анализировать и оставить это на потом.

Мне приходится прикладывать усилия, чтобы не смотреть на Гарика. Потому что он, кажется, не сводит с меня глаз.

Когда занятие заканчивается, я быстро поднимаюсь на ноги и направляюсь к выходу.

— Вяземская, — останавливает меня низкий голос.

Я оборачиваюсь. И вижу Власова, что приближается ко мне.

— Что ты здесь делаешь? — подходит он, едва ли не шипя мне в лицо.

— Стажируюсь, — отвечаю сухо.

— Стажируешься, — усмехается. — А папа знает, что его дочка общается с наркоманами и психопатами?

— Это моя будущая профессия — помогать людям в беде.

— Не припомню в нашем универе такой специализации.

— Это, — прокашливаюсь, чувствуя себя неуютно в его компании, — второе образование.

Власов молчит, сжимая челюсти так, будто сдерживается от чего-то.

— За мной шпионишь?

— Я не шпионю, я наблюдаю.

— Один хер, — бросает он резко. — Свалила бы ты отсюда.

— С чего это? Я хотела попасть именно сюда на стажировку, и я здесь останусь. Нравится тебе это или нет.

Игорь играет желваками.

— Узнаю, что сливаешь про меня инфу, — и тебе даже

папочка не поможет, — наклоняется ко мне так, чтобы слышала его угрозу только я.

— Не весь мир крутится вокруг тебя, — вспыхиваю как спичка. — Здесь есть куда более интересные случаи.

— Вот и изучай эти свои случаи. А от меня держись подальше, — он окидывает меня ледяным презрением.

— Власов! — окликает его медсестра. — Медикаменты!

Игорь еще пару мгновений пытается уничтожить меня глазами, а затем, усмехнувшись, бросает:

— Ты здесь не выживешь, Ржавая. Обещаю, — и направляется в процедурный кабинет.

Глава 14

Гарик

— Я не хочу здесь находиться, — говорю, глядя прямо в глаза отцу.

— Почему? Ты же даже здесь умудряешься создавать мне проблемы. Разве это не твое любимое занятие? — не отводит взгляда, в ответку припечатывая своим.

— Пап, уже почти три недели прошло. Я все понял. Забери меня отсюда.

— Исключено. Ты не прошел полный курс терапии.

— Бля! — нутро опаляет злостью. — Я что, по-твоему, конченый? Ты бы видел, какие тут…

— У тебя есть проблемы, Игорь. И до тех пор, пока ты не пройдешь полный курс, я тебя никуда не заберу.

— Зачем? — вспыхиваю, не в силах бороться с чувством вселенской несправедливости и с трудом контролируемой злостью. — Ты хотел мне преподать урок. Я все понял. Бросаю пить, курить. Сяду за диплом…

— Кстати, о дипломе, — прерывает меня отец, снова демонстрируя, что мое мнение его ни хера не волнует. — Его писать ты можешь и здесь.

— Чего? — кажется, что мне послышалось. — Ты гонишь,

что ли?

— Ты бы выбирал выражения, сынок. А то, глядишь, и срок реабилитации может затянуться.

Сейчас в глазах отца появляется что-то такое, от чего у меня во рту пересыхает. Судя по тому, что он и правда не торопится меня отсюда достать, похоже, он настроен решительно. И меня это, сука, бесит до дрожи.

Он давит меня взглядом, а я внезапно понимаю, что, независимо от того, что я ему скажу, он не изменит свое мнение.

Я молчу и, впервые с того момента, как оказался тут, понимаю, что никак не могу повлиять на эту ситуацию. Совершенно. Что бы я ни делал, какую бы дичь ни творил, чтобы меня выпнули под задницу отсюда, отец не позволит этому случиться.

На этот раз он настроен решительно.

Набираю в легкие побольше воздуха и задаю вопрос:

— И что должно произойти, чтобы ты смягчился?

— Все просто, — улыбается отец, опускаясь на лавочку, и смотрит на меня. — Не саботируй лечение, напиши диплом, подумай о том, куда катится твоя жизнь и чем ты планируешь заниматься дальше. И тогда все у нас будет хорошо.

— И все? — усмехаюсь, потому что не помню, когда чувствовал себя настолько же беспомощным, как сейчас. — Сдам диплом, перестану бунтовать — и ты меня простишь?

— Я не держу на тебя зла, Игорь. Я хочу, чтобы ты стал человеком.

— А кто я сейчас, по-твоему? — чувствую, как внутри клокочет ярость.

— Ты — мальчик, который не знает, чего хочет, и прожигает жизнь, потому что боится взрослеть. И думает, что жить будет вечность, наверное.

— Много ты знаешь обо мне, — огрызаюсь. — Я уже не сопливый школьник!

— Ты мой сын, — он встает на ноги, отряхиваясь. — И я хочу, чтобы ты жил, а не существовал. Разве ты не насмотрелся на других? — вглядывается в глаза. — И как, понравилось то, что ты увидел? А я не хочу, чтобы ты стал таким же, как они, понимаешь?

Меня злит, что он будто читает мои мысли и в то же время допускает, будто я могу скатиться до такого.

— А если я не изменюсь?

Отец смотрит на меня долго.

— Тогда ты потеряешь все. Не только деньги. Ты потеряешь себя. А я не хочу хоронить сына, который сам себя убивает. Пришло время брать ответственность за свою жизнь, сын. Лучше это делать сейчас, пока ты еще в начале пути и можешь построить свою жизнь правильно.

— Пап… — во рту пересыхает, когда я вижу, как он смотрит на циферблат ролексов, потому что понимаю: это значит, что ему пора. — А мама, она не придет?

— Мама? — вздыхает отец. — Я запретил ей появляться здесь.

— Почему? — мне неприятно, что он обрубил мне связь с единственным человеком, которому не наплевать на меня.

— Потому что ты манипулируешь ею и ее добротой. И мы с ней решили, что на этот раз тебе требуется пройти этот урок до конца и в одиночестве. Да и пожалей ты уже мать. Столько слез из-за тебя выплакала.

— Но… я же скучаю!

Отец усмехается, а затем хлопает меня по плечу.

— Займись дипломом, сын! До встречи! — он поворачивается и уходит.

А я остаюсь один посреди этого гребаного зимнего сада, клокоча от ярости и обиды, чувствуя себя бесконечно одиноким и никому не нужным… Наверное, всем было бы насрать, если бы я не выжил в той аварии. Так для чего мне стараться?

— Ой, — слышу испуганный возглас.

Оборачиваюсь на него и вижу две рыжие косички, взметнувшиеся в воздухе, прячущиеся за углом.

— Ржавая, а ну, стой!

Ну все! Эта заучка совсем охренела! Мало ей шпионить, так она еще и подслушивает!

Двигаюсь в ее сторону, собираясь преподать урок…

Глава 15

— Стой, кому говорят! — выныриваю за ней, когда ее косички в очередной раз пытаются ускользнуть от меня за поворотом.

Приходится слегка ускориться, но ржавая заучка становится какой-то неуловимой.

Но в любом случае я не позволю ей совсем ускользнуть. Несколько широких шагов — и я хватаю ее за плечо и утягиваю за первую попавшуюся дверь.

— Отпусти меня! — пищит мелкая заноза, отскакивая от меня на пару шагов к стене со стеллажами.

— Не раньше, чем попытаюсь до тебя кое-что донести, — преграждаю ей пути к отступлению.

Мы находимся в полумраке кладовой. Единственный свет здесь — из маленького окошка под потолком, но этого мне хватает, чтобы рассмотреть глаза Ржавой. Они широко распахнуты в испуге и блестят так, словно она готова расплакаться, и это странным образам заставляет меня подвиснуть на них.

— Не надо до меня ничего доносить! — вырывает ее тонкий голосок из забытья.

— Какого хрена ты подслушивала? — надвигаюсь на рыжего хоббита, стараясь подавить все эмоции, кроме некон-

тролируемого раздражения.

— Я не подслушивала, — отпирается.

— Все ты слышала! — вижу ведь, как прячет глаза. — Так что не надо тут мне звездить.

— Не имею привычки, — она поднимает подбородок. — Я просто проходила мимо.

— Проходила мимо? — усмехаюсь. — И решила послушать, как папаша отчитывает сыночка? Ну и как? Удовлетворена? Достаточно того, что всем уже рассказала в универе про то, где отдыхает Власов.

— Я не специально оказалась там, — она пытается отодвинуться, но некуда. Я приближаюсь к ней до тех пор, пока не раздается глухой стук, когда заучка ударяется спиной о стеллаж и морщится от боли. — Отпусти, Власов. Я здесь прохожу стажировку, и меня волнует только лечение пациентов. А то, в чем ты меня обвиняешь, — это унизительно!

— Унизительно? — наклоняюсь ближе. — А ты не подслушивай чужие разговоры, чтобы потом ответочка не замучила.

— Я не…

— Заткнись, — перебиваю. — Ты с самого первого дня за мной следишь. На терапии пялишься, в коридорах прячешься. Тут два варианта: ты либо запала, либо используешь меня как инфоповод, чтобы стать более популярной.

Она вспыхивает, и во взгляде читается возмущение, будто все, что я говорю, — клевета и такое даже предположить

стыдно.

А меня ее реакции еще сильнее выводят из себя.

Почему же она такая невыносимая?

— Ты в своем уме? — говорит так, будто захлебывается от негодования.

— Вполне, — упираюсь рукой в стеллаж рядом с ее головой, собираясь расставить точки в этом вопросе раз и навсегда. — Я тебя предупреждал, Ржавая. Держись от меня подальше.

— Тогда не создавай ситуаций, из-за которых я оказываюсь рядом, — цедит. — Ты мне неинтересен. Ведь это ты мне не даешь прохода.

— Чего? — кажется, что она бредит. — Ты, блядь, фантазируешь, что ли? Так что-то у тебя фантазии какие-то валовые. Или ты недоговариваешь, а сама по ночам дрочишь на мою фотку?

— Боже, Власов! — девчонка становится просто пунцовой, но при этом не отводит взора. — Боюсь, что вид твоего обнаженного тела навсегда убьет мое либидо.

— Острая на язык, да? — скалюсь. — А папа знает, какая его дочка на самом деле хамка и врушка ?

— Не смей трогать моего отца, — она толкает меня в грудь. — Он вообще здесь ни при чем.

— А ты поосторожнее с ручками, — перехватываю ее запястья и вжимаюсь в ее тело своим, удерживая ее руки в районе живота. — Я ведь и за причинение морального и физи-

ческого вреда смогу тебя притянуть. То-то папа-ректор будет горд, — усмехаюсь, наблюдая, как расширяются ее зрачки.

— Представляю, — ее голос дрожит. — Ты способен на любую подлость.

— Правда? — отчего-то задевают эти слова. — И что же я такого сделал тебе?

— Ты… — она замолкает.

Я смотрю на ее губы, на то, как розовый кончик языка их облизывает, и ощущаю неуместное шевеление в штанах.

Она прикусывает нижнюю, будто ощутив, что со мной происходит.

— Что? — не отступаю. — Какую подлость я сделал по отношению к тебе? — ненавижу, когда из меня делают козла отпущения. Это ведь совершенно не так. — Тебя разве не учили тому, что за клевету можно тоже хорошенько присесть?

— Но ты ведь пытаешься выжить меня из клиники. Разве это не подлость? — не сдается этот дерзкий апельсин.

— Это самозащита. Я не потерплю, чтобы мои границы нарушались. А ты их постоянно нарушаешь.

— И как же?

— Таскаешься за мной.

— А ты домогаешься!

Сверлим друг друга взглядами, и ни один не уступает.

— Это клевета, — смеюсь.

— Разве? Тогда почему твой… — все же отводит взор,

— твой орган прижимается ко мне?! — кажется, ее голос дрожит на слове “орган”.

— И что же ты сделаешь? Папе пожалуешься? — передразниваю. — Скажешь, что я тебя в подсобке зажал?

— Скажу, — она смотрит мне в глаза. — И ты вылетишь отсюда раньше, чем успеешь закончить курс.

— Не вылечу, — усмехаюсь. — Мой отец заплатил за три месяца. И меня не выгонят, даже если я кому-то вмажу.

— Тогда я сделаю так, что ты сам захочешь уйти.

— И как же?

Она молчит, явно не зная, что возразить. И все просто потому, что у нее не осталось чем крыть.

Потом говорит:

— Я расскажу всем пациентам, что ты каждого из них назвал конченым.

— А говорила, что не подслушивала.

— Я могу это и придумать, если ты продолжишь донимать меня.

— Ты нарываешься, — рычу.

— Это самооборона, — парирует. — Отпусти, Власов.

Я не двигаюсь.

Она смотрит мне в глаза прямо и не отводит взгляда.

Сейчас в нем нет страха, только вызов.

И от этого кровь закипает.

— Херово обороняешься, — отступаю, незаметно выудив у нее из кармана смартфон, пряча его у себя в зипке, и отхо-

жу в сторону, позволяя боевой белке вылететь из подсобки.

И, стоя в полумраке, я ощущаю себя удовлетворенным результатом наших переговоров. Потому что стоит представить ее лицо, когда обнаружится пропажа, и в животе становится щекотно, потому что она поймет, чьих это рук дело, а значит, мне нужно раскрутить эту ситуацию в свою пользу. Осталось придумать как.

Глава 16

Василиса

— Придурок! — вылетаю из подсобки и бегу в свой закуток, чтобы спрятаться от этого ненормального.

Разве так можно? Вот так вот затаскивать в подсобку и зажимать?

Ну нет же! Нет!

Меня до сих пор потряхивает от этой стычки. Хотя я знаю, что Игорь Власов не может ничего сделать мне в стенах этого учреждения, все равно меня не покидает ощущение, будто я только что чудом избежала смертельной опасности.

Признаться, даже в тот злополучный день, под лестницей, я не испытывала подобных эмоций. На этот раз мне было по-настоящему жутко.

Власов всегда был говнюком, но дурашливым и вполне безобидным. Но здесь он превратился в озлобленного зверя. Агрессивного и способного покусать любого, кто может угрожать его безопасности.

Вот только проблема в том, что я не представляю для него угрозы. Скорее, наоборот. И совершенно не понимаю, как в дальнейшем будет проходить моя стажировка, если он продолжит угрожать мне.

— Василиса! — вздрагиваю. — Нам придется перенести разбор, — немного расслабляюсь, когда понимаю, что это Марина Вячеславовна.

Медленно оборачиваюсь, встречаясь глазами с терапевтом.

— Если дождешься меня, конечно, — улыбается она.

— Дождаться? — думаю о том, могу ли я задержаться сегодня в клинике, но затем вспоминаю о тех студентах, которых повесил на меня отец. — Сегодня не получится. У меня еще репетиторство.

— Репетиторство? — удивленно вскидывает она брови. — То есть, помимо очного отделения, стажировки здесь, ты еще занимаешься репетиторством?

— Да-а-а, — чувствую себя неловко. Потому что для меня в этом нет ничего сверхъестественного. — Это плохо?

— Нет, — качает головой Марина Вячеславовна. — Просто я удивлена, что ты находишь на все это время.

— Я привыкла, — пожимаю плечами. — Когда много дел, меньше времени на глупости.

— И на отдых? — она смотрит на меня с каким-то странным выражением.

— Отдых — это смена деятельности, — отвечаю, почти цитируя отца.

— Откуда у тебя такие мысли? Кто-то из близких так говорит? — догадывается она.

— Да, — не вижу смысла врать.

— А ты сама что думаешь?

Я задумываюсь, понимая, что до тех пор, пока я финансово зависима от родителей, мои мысли не имеют никакого значения.

— Я думаю, что если я сейчас возьму паузу, то потом будет поздно. Нужно пользоваться возможностями, пока они есть.

— И какая у тебя цель? — она прислоняется к стене, скрещивая руки на груди. — Для чего ты все это делаешь?

Я молчу.

Потому что не знаю, что ответить.

Раньше я думала, будто знаю. Красный диплом, магистратура, работа в престижном месте.

Но сейчас...

Сейчас я чувствую, что все это не мое.

Что я плыву по течению, которое задал отец.

А я всего лишь гребец, который не смеет выбиться из ритма.

— Я еще… не определилась, — здесь не хочется притворяться кем-то. Потому что рядом люди, способные понять меня.

— Это нормально, — она улыбается. — Ты молодая, целеустремленная, у тебя есть время.

— Мне кажется, что его нет, — вздыхаю. — Отец всегда говорит, что нужно успевать все сейчас, потому что потом будет поздно.

— У твоего отца свои представления о жизни, — мягко говорит она. — Но это твоя жизнь, Василиса. Ты имеешь право на ошибки и на паузы.

— Если я сделаю паузу, он решит, что я… неудачница и позорю семью, — с этой установкой я живу всю сознательную жизнь.

— А ты считаешь, что он прав?

— Нет, — чувствую, как кровь приливает к лицу. — Но он не дает мне это доказать.

— Может, ты не ему должна что-то доказывать? — она отталкивается от стены. — А себе.

И мне хочется провалиться сквозь землю, потому что она права.

Я всю жизнь доказываю отцу, что я достойна его любви.

Но он никогда не скажет этого прямо и не похвалит от всего сердца. Для него все мои успехи как само собой разумеющееся, зато неудачи — это его личный позор.

И всю жизнь я слышу: “Ты можешь лучше”, “Ты не выложилась на сто процентов”, “Хорошо, что твоя сестра талантливее тебя”.

Каждый раз эти фразы причиняют мне боль. Но кажется, что я привыкла и уже не реагирую на них.

— Ладно, — Марина Вячеславовна трогает меня за плечо. — Мне пора бежать, — смотрит на наручные часы. — Завтра обсудим.

— Спасибо, — киваю и иду к своему кабинету, собираясь

закончить с отчетом о прошедшем дне.

В голове — каша.

Я все еще ощущаю на себе руки Власова, в ушах слышатся его угрозы.

Его руки на моих запястьях...

От воспоминаний кровь приливает к лицу.

Ненавижу его.

И… мне надо подумать, как сделать так, чтобы он прекратил ко мне цепляться.

Сажусь за стол, собираясь внести в электронный дневник пометки о прошедшем дне, но не нахожу телефона.

И ведь я отчетливо помню, что он был у меня в кармане пиджака, но сейчас его там нет.

Приходится перевернуть весь стол и кабинет, когда меня окатывает ледяной волной.

— Не-е-ет! Не может быть!

Неужели телефон остался в той самой подсобке? Или, того хуже, его подобрал Власов!

Глава 17

— Добрый день! — идет мне навстречу, улыбаясь, молодой санитар.

— Здравствуйте! — мажу по нему взглядом, думая лишь об одном: как бы побыстрее найти Власова и потребовать мой телефон.

Потому что в подсобке, где он зажимал меня, моего гаджета не оказалось. Как не нашла я его в коридоре, и даже на пункте охраны.

Теперь у меня нет сомнений в том, что Игорь успел стащить его, или подобрать, без разницы, воспользовавшись моей растерянностью.

Боковым зрением замечаю, как санитар притормаживает, явно собираясь у меня что-то спросить, но я слишком взвинчена, чтобы среагировать на это и быть вежливой.

— Простите, опаздываю! — бросаю через плечо, убегая дальше по коридору. Притормаживаю у комнаты отдыха и, сделав глубокий вдох, вхожу внутрь.

Сегодня здесь немноголюдно.

Серафима сидит на диване и смотрит сериал, в то время как Сергей и Оксана играют в настольный теннис.

Улыбнувшись присутствующим, выхожу и направляюсь к зимнему саду.

Андреа рисует что-то, сидя у окна, а рядом за ней молча наблюдает Костик. Этот парень здесь уже месяц после тяжелой личной трагедии и начал постепенно выбираться из комнаты и как-то контактировать с другими пациентами.

И если бы мне не нужен был Власов, то наверняка я задержалась бы, поговорив с ними и сделав собственные заключения о прогрессе этих людей, но мне страшно, что мой смартфон пробудет в руках Власова. Потому что это бомба замедленного действия.

В спортзале Игоря тоже нет, и я не рассчитываю найти его в библиотеке. Поэтому иду в жилое крыло, надеясь, что никого не встречу по пути, и в то же время мне жутко хочется нажаловаться на него дяде.

Но я не маленькая девочка, чтобы бегать с жалобами. Я сама разберусь с этим мерзавцем.

Коридор жилого крыла пуст. Только где-то далеко слышны голоса медсестер с поста. Я иду медленно, читая таблички на дверях. Палаты пронумерованы, но без имен, а я… не посмотрела, в какой комнате живет Власов.

Как я найду его?

Останавливаюсь посередине коридора, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Меня ищешь? — раздается голос за спиной.

Вздрагиваю и резко оборачиваюсь.

Гарик стоит в трех метрах от меня, прислонившись к стене. На нем только спортивные штаны. Волосы влажные,

словно он только из душа. И… нет футболки!

Краснею, сразу же поднимая глаза к его лицу и стараясь не смотреть на обнаженку.

Почему на нем нет футболки?

— Ты взял мой телефон, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но приближаться не решаюсь.

— С чего ты взяла? — он не улыбается. Даже не усмехается. Смотрит ровно, без эмоций.

— Потому что он пропал после нашего общения… в подсобке.

— Тебе не кажется, что это совпадение? — он отталкивается от стены и медленно идет ко мне, и я все равно замечаю его мускулы, и мне хочется спрятаться, чтобы не видеть этого. — Может, ты сама его обронила где-то.

— Я везде проверила, — не отступаю. — Его нет ни в подсобке, ни в коридоре, ни у охраны. Ты единственный, кто был рядом в момент исчезновения.

— А если я скажу, что не брал?

— Это будет неправдой.

Он останавливается в шаге от меня.

— У тебя есть доказательства?

— Мне не нужны доказательства, — сжимаю кулаки. — Я знаю, что это ты.

— Значит, — он наклоняет голову, — ты готова обвинить человека без доказательств? И как это сочетается с твоими принципами?

— Не тебе учить меня этике, — цежу. — Верни телефон, Власов. По-хорошему.

— А если не верну?

— Тогда я пойду к главному врачу.

— Давай. Расскажи ему, как ты шпионила за пациентами и потеряла телефон. Посмотрим, что он скажет.

Я краснею, потому что ситуация и правда выглядит двояко.

— Ах да, — добавляет он, — ты же здесь, кажется, стажируешься. А стажерам запрещено шастать по палатам без куратора.

— Откуда ты знаешь правила? — выдыхаю.

— Я здесь уже почти месяц, — пожимает он плечами. — Успел ознакомиться. В отличие от тебя.

Он обходит меня и идет по коридору.

— Власов, — окликаю. — Верни телефон. Прошу.

Он останавливается и медленно оборачивается.

— Просишь? — в его глазах мелькает что-то похожее на удивление.

— Да, — выдавливаю. — Прошу.

Он возвращается ко мне. Встает в шаге от меня.

— А где волшебное слово? — усмехается.

— Отдай телефон, — повторяю, чувствуя, как горло перехватывает, — пожалуйста.

— Не так, — он наклоняется к самому уху. — По-другому.

— Как? — становится не по себе.

Власов поднимает глаза вверх, осматривая коридор, и я понимаю, что он высматривает камеры.

Кожу осыпает мурашками, потому что это не может быть хорошим знаком, и мне заранее страшно от того, что он скажет.

— Есть у меня одна идея, — усмехается он.

— Какая?

— Давай так… — чешет подбородок. — Встретимся через час в библиотеке, и тогда я озвучу свои условия.

— Но через час я уже должна быть в городе! — это совершенно возмутительно.

— Не мои проблемы, Ржавая. Если нужен телефон, приходи в библиотеку через час, — окидывает меня каким-то равнодушным взором, а затем разворачивается и уходит по коридору, оставляя меня в подвешенном состоянии и заставляя прокручивать в голосе сотни возможных вариантов шантажа. Но ни один из них не попадает в цель...

Глава 18

— Дура, дура, дура! — повторяю, шепотом, прохаживаясь из одного угла читального зала в другой.

В библиотеке никого. Только я. Никакого Власова здесь нет и в помине, и от этого мои эмоции скачут в диапазоне от “я в дикой панике” до “я невероятно зла”.

Он ведь намеренно заставляет меня ждать, чтобы я нервничала?

Ему нравится меня унижать, а таким способом он четко демонстрирует мне, что у него полный контроль над ситуацией.

А я полная идиотка, которая так тупо попалась в его ловушку.

Зачем я согласилась прийти сюда? Неужели я надеялась, что этот подонок сдержит слово?

Надо было сразу идти к дяде и рассказать ему все. Пусть разбирается. Он бы нашел, как оградить меня от этого ненормального! А он и правда ненормальный!

А до момента разбирательства что делать? Дядя Юра уже уехал… И тогда... тогда отец узнает, что я потеряла телефон.

Узнает, что я снова вступила в контакт с Власовым, от которого он сказал держаться подальше.

Тогда точно моя стажировка полетит к чертям.

И я потеряю все, что мне дорого.

Это будет не только телефон, а то, ради чего я сюда шла.

Возможность учиться у лучших.

Возможность помогать людям.

Возможность стать кем-то кроме “дочки ректора, слепо выполняющей папины приказы”. Как же я ненавижу быть в глазах общества той самой заучкой, папиной дочкой, у которой нет своих желаний и жизни, кроме учебы.

Я останавливаюсь у окна.

Смотрю на серое небо.

За стеклом сад, скрывающий забор и колючую проволоку.

Впервые я ощущаю себя здесь как в тюрьме.

— Пришла? — раздается голос от двери.

Жар приливает к лицу, сердце разгоняется, и я оборачиваюсь.

Игорь стоит на пороге.

На этот раз хотя бы в черной обтягивающей футболке.

Слава богу, хоть не голый.

— Я здесь уже полчаса, — говорю сухо, стараясь не показывать, насколько я взвинчена.

— Правда? — он закрывает дверь и медленно идет ко мне. — Сорян, уснул.

— Что? — смотрю на него, ожидая, что он скажет, что это шутка. — Как это — уснул?

— Так же, как это обычно и происходит, — пожимает он плечами, вызывая во мне новую волну протеста.

— Ты издеваешься? — но глядя на озорные огоньки в его радужках, понимаю, что именно этим он и занимается. Издевается. Хочется зарычать и поколотить его кулаками, но я беру себя в руки. — Не важно. Телефон отдай, — протягиваю руку, но не двигаюсь с места, потому что не знаю, что именно у этого ненормального на уме.

Он усмехается.

Садится на край стола, скрещивая руки на груди.

— Просто отдать такой товар? — расплывается в надменной улыбке.

— Чего?

— Я не готов отдать его без торга, — заявляет именно то, чего я опасалась. Конечно же, он выставит условия, без этого никак.

— Просто отдай телефон, — говорю, стараясь не смотреть на его бицепсы, на которых футболка почти трещит по швам. — Что тебе стоит?

— Не понимаешь, да? — он наклоняет голову к плечу, и в его глазах вспыхивает что-то хищное. — Ты пришла. Значит, телефон тебе нужен.

— Конечно, нужен.

— А это значит, ты сделаешь почти все что угодно, лишь бы его вернуть.

— Ты пересмотрел фильмов про мафию, — пытаюсь отшутиться, но по позвоночнику прокатывается ледяная волна.

Я замираю.

— Тут и близко ничего криминального, — Власов скалится, будто дикий зверь в предвкушении добычи. — Ты напишешь за меня диплом, — он произносит это так буднично, будто речь о рядовой контрольной. — Поиск материалов полностью на тебе, как и составление итогового текста.

— Ты с ума сошел? — выдыхаю. — Я не буду за тебя писать диплом!

— Значит, не так тебе и нужен твой смартфон, — качает головой.

— Ну уж нет! — в висках пульсирует, потому что даже те, кого я подтягиваю по учебе, не просят меня о таком.

— Тогда я не отдам тебе телефон.

— Власов, — набираю побольше воздуха в легкие. — Ты… Ты же понимаешь, что я могу согласиться, забрать телефон и послать тебя вместе с твоим дипломом.

— Вряд ли ты так поступишь, — отвечает он, приближаясь ко мне.

— Кто мне помешает?

— Ну, например… я могу распространить слухи, что ты забыла его у меня после того, как прокралась ко мне в комнату, где помогла мне скрасить мои скучные будни в центре.

— Нет, — кровь отливает от лица. — Ты не сделаешь этого? Тебе не поверят…

— Проверим? — вопросительно вскидывает он бровь.

Смотрю на него и понимаю, что он сделает это. И хуже

того, люди поверят в его версию, а не в мою. Возможно, сотрудники центра поддержат меня, но слухи… если он пустит их по университету, тогда… моя репутация будет уничтожена.

— Это шантаж, — цежу.

— Это сделка, — поправляет он.

— Нет! Сделка — это когда равные условия. А так… ты хочешь, чтобы я работала за тебя.

Глаза начинает щипать, и мне становится трудно дышать.

— Ты помогаешь мне с дипломом — я отдаю телефон. Все честно.

Я молчу.

Смотрю на него.

В его глазах — насмешка.

Никакой жалости. Никакой пощады.

Он — хищник.

А я — добыча.

— У меня нет времени, — говорю. — Учеба, стажировка, репетиторство...

— Найди, — отрезает он.

— Мне одной не справиться. Я могу… только направлять тебя и помогать.

Он замирает, сжимая челюсти крепко.

— Я физически не смогу написать его целиком за тебя! — с трудом сдерживаю слезы, потому что ощущаю себя в ловушке.

— Но тогда поиск материала всецело за тобой. И полное курирование.

— За что ты со мной так, м? — не понимаю, почему он прицепился ко мне.

— Потому что никто, кроме тебя, не справится лучше с этой задачей. А мне надо, чтобы все выглядело так, будто я сам писал этот чертов диплом.

Несколько вдохов и выдохов.

— Боже! — поднимаю глаза к потолку, смаргивая слезы. Помочь найти материал — это ведь самое основное. Но, быть может… я смогу натолкнуть его на нужный путь, а дальше он справится сам.

— Бесплатно я не стану тратить на тебя время! — впиваюсь в него взглядом. Если он решил наглеть, то и мне можно попробовать.

— А это ты перегибаешь.

— Мне нужны деньги.

— У меня здесь нет денег, — играет желваками, явно недовольный.

— Тогда заплатишь позже.

— Не боишься, что я тебя обману?

— А ты не боишься, что все узнают, что диплом ты писал не сам?

Боремся взглядами, не моргая, продавливая друг друга пристальными взорами.

— Ты не так проста, как кажется, — усмехается. — Идет,

— наконец отвечает он и достает мой смартфон из кармана спортивок.

Я протягиваю за ним руку, и наши пальцы соприкасаются, потому что он не выпускает гаджет.

— Но учти, Ржавая, — щурится, — обманешь — и тебе не поздоровится. Я исполню свою угрозу.

Во рту пересыхает, потому что я не сомневаюсь в его подлости. Облизываю губы, смачивая их, и скрепляю сделку.

— Не обману!

Глава 19

— Привет! — Лика останавливается рядом с нашим с Антоном столом в столовой. — Вот вы где! — опускается на третий свободный стул. — А я вас ищу везде!

С момента нашей ссоры напрямую я почти не общаюсь с подругой, но она все время где-то рядом с Антоном и делает вид, будто ничего не случилось. Меня же это сильно задевает.

— Какие планы? — спрашивает вроде как у Тохи, но при этом смотрит и на меня тоже. — Едем снимать рилсы?

— У меня сегодня треня, — как-то смущенно отвечает он и смотрит на меня, будто ожидая реакции.

— Какая треня? — задает мой неозвученный вопрос Лика.

— Ну… в общем, я начал заниматься кроссфитом.

— И давно это?

— Ну вот… около месяца.

Я же смотрю на друга, мысленно задаваясь вопросом, неужели я упустила этот разговор, когда он успел рассказать мне о новом увлечении.

— Да? Ты что-то слышала об этом? — впервые с момента нашей ссоры напрямую обращается ко мне Лика.

— Честно? Впервые слышу.

— Вот и я.

Задумчиво смотрим на Антона, который ерзает на стуле под нашими пристальными взглядами, будто уж на сковородке.

— С чего вдруг ты озаботился своей физической формой? — как всегда, прямо в лоб спрашивает его подруга.

— Да так… решил, что было бы неплохо развить выносливость и укрепить мышечный корсет, — все еще избегает прямого взгляда в глаза, словно стесняется меня.

— И как успехи?

— Ну… втягиваюсь…

— Это здорово! — хочется приободрить его, потому что кажется, что он считает это постыдным, хотя это не так. — Если тебе это нравится, то это просто замечательно!

Антон смотрит на меня и тут же снова опускает взор, но я замечаю улыбку на его губах.

— Кому это может нравиться? — фыркает Лика. — Он же не тупой качок.

— А что плохого в том, чтобы следить за своим телом? — действительно не вижу в этом ничего предосудительного.

— Ничего, — пожимает плечами Лика. — Просто раньше его не волновало это все… — хмурится она.

— Люди меняются, — говорю, стараясь, чтобы это прозвучало нейтрально.

— Никто не меняется внезапно! — заявляет она с видом эксперта. — Для этого должны быть причины. Колись, Тох.

Запал на кого-то? — прищуривается Лика.

— Почему сразу запал? — краснеет Антон. — Просто… — мажет по мне смущенным взглядом и переводит его к стакану с кофе. — Я за батончиком, — встает внезапно с места. — Вам что-то взять? — смотрит сначала на Лику, потом на меня.

— Спасибо, ничего не надо, — чувствую что-то неладное, но не могу оформить свои подозрения в четкие мысли.

— Мне тоже.

Я молчу, провожая взглядом друга.

— Он определенно на кого-то запал, — говорит Лика, на что я могу лишь пожать плечами.

Между нами повисает тишина, которую я заполняю тем, что откусываю кусок слойки.

— Ну а ты? — она сосредоточивает внимание на мне.

— Что я? — закашливаюсь, боясь, что меня спросят, запала ли я на кого-то, хотя в моей жизни проблемы гораздо серьезнее.

— У тебя как дела?

— Все нормально, — улыбаюсь. — Стажировка, учеба, репетиторство…

— Пипец. И как ты все вывозишь? А почему не приезжаешь в центр? — этот вопрос я все же рассчитывала, что не услышу в ближайшее время, поскольку вряд ли случится чудо и меня не то что отец отпустит туда, но хотя бы появится свободное время.

— По той же причине, что я уже озвучила. Стажировка, учеба, диплом, репетиторство…

— Может, бросишь стажировку? — предлагает Лика. — Зачем она тебе?

— Затем, что это моя будущая профессия, — отвечаю твердо.

— А экономика? — не отстает она. — Ты же учишься на экономиста.

— Лика, ну зачем ты это?.. — хочется возмутиться и обидеться, но, вспоминая то, из-за чего мы поссорились, понимаю, что этот человек совершенно не понимает меня, а значит, бессмысленно ей что-то объяснять и доказывать. — Мне это нравится, — решаю ограничиться только этим объяснением.

— Так вся жизнь пройдет мимо тебя. Сидеть все время в четырех стенах за учебниками — разве это жизнь?

— Каждый сам выбирает, как ему жить, — мысленно повторяю себе, что мне плевать на ее мнение.

— Ты же… не такая была.

— Как и ты, — не собираюсь молча принимать ее наезды.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Кроме того, что ты пытаешься навязать мне свою картину мира, которая совершенно не вписывается в мою.

Она замолкает, прожигая меня взглядом, собираясь что-то сказать. Но затем к столику приближается Антон.

— Что-то еще? — спрашиваю ее.

— Ничего, — она отводит взгляд. — Забей.

Обед заканчивается. Антон убегает на тренировку, Лика — по своим делам. А я остаюсь сидеть за столом, смотрю на смартфон и думаю о том, что надо идти искать материалы для диплома Власова.

Я думаю о том, как я вляпалась и смогу ли выбраться из этого кошмара.

— Вяземская.

Поднимаю голову. Передо мной стоит Титова Соня или, как она называет себя, Софи Тит, одна из самых медийных личностей нашего универа. За последние полгода ее Тик-ток вырос до двух миллионов, и она окончательно потеряла связь с реальностью, возомнив себя звездой.

— Что? — спрашиваю устало.

— Я слышала, ты помогаешь отстающим, — она садится на стул напротив. — Мне нужна помощь.

— У меня нет времени.

— Я заплачу, — она достает из сумки конверт. — Тут столько, сколько ты зарабатываешь в неделю.

Я смотрю на конверт.

Деньги нужны.

Очень.

Но связываться с Соней...

— Что именно нужно сделать? — осторожно спрашиваю.

— Помочь с курсовой.

— Я не смогу написать ее за тебя. Лучше тебе обратиться к кому-то другому.

— Да ладно тебе. Всех можно купить. Если сделаешь хорошо, доплачу столько же.

Я смотрю на конверт.

Потом на нее.

— Когда нужно?

— Через две недели.

— Прости, но нет, — понимаю, что не подставлю папу таким образом. А во всем этом прослеживается подстава. Кто сейчас носит деньги в конвертах?

— Ты сейчас серьезно? — смотрит изумленно.

— Абсолютно, — поднимаюсь с места и иду в библиотеку, рассчитывая подготовиться как можно лучше к встрече с Власовым и за пару недель закончить с его дипломом.

При мысли о том, что я скоро избавлюсь от него, настроение улучшается.

Вот только все снова выходит из-под контроля…

Глава 20

— Спасибо, Марина Вячеславовна, — поднимаюсь из-за стола, закрывая блокнот с пометками. — Теперь мне над многим предстоит подумать.

— Знаешь, ты очень глубоко видишь людей и их проблемы, Василиса. Не думаю, что у тебя возникнут проблемы. Просто обрати внимание на то, что я тебе указала, — говорит она, откинувшись на спинку офисного кресла и складывая ноги на банкетку, идущую в комплект к креслу.

Когда у меня будет настоящая должность и свой кабинет, я бы хотела и себе такой же.

— Мне еще очень долго учиться, чтобы достичь вашего уровня.

— Твой уровень эмпатии может тебе сейчас мешать вникать в причины, по которым пациенты ведут себя так или иначе. Но, чтобы стать сторонним наблюдателем, требуется время, Василиса. Уверена, с опытом у тебя все получится.

— Спасибо, я буду учиться, — улыбаюсь и выхожу из кабинета, преисполненная вдохновения.

Сегодня из-за пар я не присутствовала на групповой терапии, но зато наблюдала за индивидуальной. И это произвело на меня сильное впечатление. Теперь мне есть над чем подумать, чем я и собираюсь заняться в своем закутке.

Но не успеваю до него дойти, как на моем пути появляется преграда.

— Привет, Ржавая! Есть разговор, — произносит Власов прежде, чем я успеваю осознать, что это он.

Сердцебиение ускоряется, и я оглядываюсь по сторонам, чтобы нас не увидели вместе.

— Не сейчас, — смотрю на него и тут же опускаю глаза, смущаясь его прямого взгляда.

— Что так? Сильно занята, чтобы выполнять условия договора?

— Мне нельзя с тобой общаться без присутствия куратора, — отступаю на шаг, чтобы не создавать двоякой ситуации.

Вижу, как плечи Гарика напрягаются.

— Ты права, — произносит внезапно. — Нельзя, чтобы тебя выперли со стажировки.

Вскидываю лицо вверх, всматриваясь в его, обескураженная услышанным. Неужели в нем есть что-то человеческое? Или мне показалось?

— Иначе связываться с тобой станет проблемно.

А, нет. Точно показалось.

— Жду тебя в шесть в библиотеке, — бросает он резко, смотря куда-то поверх моей головы, и, не дожидаясь ответа, уходит.

— Козел, — бурчу под нос и направляюсь в свою каморку, которую, как назло, сегодня занял один из новых терапевтов,

у которого нет своего угла в центре.

Мне не остается ничего иного, как напроситься в кабинет к дяде. Потому что до шести часов мне нужно посмотреть еще кое-какой материал. А еще… я должна получить разрешение на контакт с пациентом.

Да. Я не собираюсь играть в прятки, рискуя доверием дяди и своим местом.

— Юрий Олегович, можно? — стучу в кабинет.

— Василиса! — он откладывает в сторону городской телефон и смотрит на меня.

— Можно я у вас тут поработаю немного? В моем кабинете Артем Алексеевич. К сожалению, нам с ним не поделить один стол на двоих.

— Конечно, Васен, — кивает он на диван, стоящий у противоположной от его стола стены, с журнальным столиком и двумя креслами по краям от него.

Я благодарно киваю и прохожу к дивану, раскладывая свои вещи. Но вместо того чтобы сесть, замираю, собираясь с духом.

— Дядь Юр, — поворачиваюсь к нему, — мне нужно с тобой поговорить.

— Что-то случилось? — он откладывает ручку и смотрит на меня поверх очков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.